

Ричард Вайнен

Долгий '68

Радикальный
протест
и его враги

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Ричард Вайнен

Долгий '68

«Альпина Диджитал»

2018

Вайнен Р.

Долгий '68 / Р. Вайнен — «Альпина Диджитал», 2018

1968 год ознаменовался необычайным размахом протестов по всему западному миру. По охвату, накалу и последствиям все происходившее тогда можно уподобить мировой революции. Миллионные забастовки французских рабочих, радикализация университетской молодежи, протесты против войны во Вьетнаме, борьба за права меньшинств и социальную справедливость – эхо «долгого 68-го» продолжает резонировать с современностью даже пятьдесят лет спустя. Ричард Вайнен, историк и профессор Королевского колледжа в Лондоне, видит в этих событиях не обособленную веку, но целый исторический период, продлившийся с середины 1960-х до конца 1970-х годов. Это – первая попытка рассмотреть в транснациональной перспективе всю совокупность протестных движений и восстаний, разворачивавшихся в благополучных индустриальных странах – Соединенных Штатах Америки, Франции, Великобритании и Западной Германии. Автор пытается выяснить, почему развитые демократии Запада вдруг оказались на грани нервного срыва и как протесты повлияли на различные социальные группы – молодежь, женщин, рабочих, сексуальные меньшинства. Отдельное место отведено тому сочетанию революционного насилия и политического соглашения, которое продемонстрировал 1968 год – время радикальных требований и несбывшихся надежд.

© Вайнен Р., 2018

© Альпина Диджитал, 2018

Содержание

Введение	6
Глава 1	10
Когда был 68-й?	21
Где был 68-й?	22
Глава 2	29
Беби-бум и старшее поколение	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ричард Вайнен

Долгий '68: Радикальный протест и его враги

Переводчик *Андрей Захаров, Армен Арамян, Константин Митрошенков*

Научный редактор *Андрей Захаров*

Руководитель проекта *Д. Петушкова*

Дизайн обложки *Ю. Буга*

Корректор *И. Панкова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

© Richard Vinen, 2018

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Список таблиц

1. Рабочие дни, потерянные в ходе забастовок во Франции, в тысячах, 1968–1970.
2. Рабочие дни, потерянные в ходе забастовок во Франции, в тысячах, 1964-1974.
3. Рабочие дни, потерянные в ходе забастовок, на тысячу работников в отдельных западных странах, 1964-1974.

Список хронологий

1. «Короткий 68-й»: события мая во Франции
2. «Долгий 68-й»: краткая хронология

Введение

Эта книга посвящена «68-му», под которым я понимаю всю совокупность радикальных движений и восстаний конца 1960-х – начала 1970-х, а не просто события одного конкретного года. 68-й близок и далек одновременно. Песни той эпохи по-прежнему звучат в супермаркетах, а слоганы иногда всплывают в рекламе, но многие активисты той поры уже давно на пенсии; кстати, само получение пенсии часто оказывалось проблемой для тех, кто много лет провел за пределами установленной экономической системы. «Ветераны» (термин, который теперь уже не кажется настолько ироничным, каким он казался раньше) болезненно переживают то, как изменился мир. Проводя кастинг для фильма «Что-то в воздухе», посвященного событиям, связанным с 68-м, Оливье Ассайас был озадачен тем, что молодых актеров больше интересует одежда, нежели политика. По его словам, участников кастинга объединяла общая привязанность к одному и тому же гелю для волос¹.

Целые горные хребты исчезли с политического ландшафта. Изображения председателя Мао сейчас в основном остались только на банкнотах. Распад Советского Союза стал настоящим потрясением как для ортодоксальных коммунистов, так и для троцкистских групп, которые различали друг друга в зависимости от того, по каким позициям они критиковали СССР. Рабочий класс, который когда-то интересовал левых студентов, изменился до неузнаваемости. Даниэль Рондо, копаясь в 1980-е в своем маоистском прошлом, встретил старого друга. Тот сказал ему, что возвращение в Париж в середине 1970-х, после того как их политическая группировка самораспустилась, по ощущениям напоминало «поход в музей». Сам Рондо вернулся в Лотарингию, индустриальную зону, где в начале 1970-х занимался политической агитацией. Но и эти края было не узнать – все старые заводы были снесены². Посетитель Кентского университета, расположенного в окрестностях английского Кентербери, увидит те же самые корпуса 1960-х, разве что дополненные зданием колледжа, названного в честь Кейнса. Но кто сейчас поверит, что когда-то в здешней округе располагались угольные шахты и что кентские шахтеры были особенно боевиты в забастовках начала 1970-х?

Иногда период с середины 1960-х и до конца 1970-х выглядит просто дивным сном (или ночным кошмаром), от которого участники постепенно приходят в себя. Элеанор Штейн родилась в 1946 году. Она была дочерью коммунистов, а за ее родителями Федеральное бюро расследований следило с начала 1940-х, но на ранних этапах ее жизнь была вполне обычной. Когда она в 1964 году выходила замуж за Джону Раскина, жених был в строгом костюме, а пара танцевала под песню Beatles. Однако на фотографии, сделанной всего через пять лет, Элеанор запечатлена с прической афро и вскинутым вверх кулаком. Еще через пять лет Джона Раскин не знал, где находится его жена. Их брак рухнул, не выдержав бурных водоворотов сексуального и политического освобождения. Она была в бегах вместе с подпольщиками из группы «Синоптики» (Weather Underground) – пряталась в маленькой квартирке в Нью-Йорке и жила на одном рисе и вьетнамском рыбном соусе, который так полюбился радикалам. Она встречалась с Джеффом Джонсом, но, расставшись с ним, одна родила их общего сына, названного вьетнамским именем – в честь одного из партизанских командиров. Тем не менее к тому времени, когда ФБР вышло на ее след в 1981 году, Джефф и Элеанор снова воссоединились, проживая под чужими именами и воспитывая своего ребенка теми методами, которые любая молодая пара пятнадцать лет назад сочла бы вполне конвенциональными. Когда Элеанор вышла из

¹ Оливье Ассайас в интервью для «Eye for Film» (март/апрель 2013).

² Daniel Rondeau, L'Enthousiasme (1988).

тюрьмы, она вернулась в свою школу права, став со временем помощником судьи со специализацией в административном праве³.

Эта книга – попытка воссоздать мир, который появился в конце 1960-х и почти исчез к началу 1970-х годов. Определить «68-й» довольно сложно, и разнообразным подходам к этому вопросу я посвящаю следующую главу. Тем не менее несколько простых пунктов можно обозначить уже сейчас. Во-первых, я различаю просто «1968» и «долгий 68-й». Под первым я понимаю конкретный год, насыщенный событиями, а под вторым – множество движений и процессов, которые были связаны с 1968-м или достигли на тот момент своего пика, но активность которых не вмещается в рамки единственного календарного года. В основном меня интересуют события конца 1960-х – начала 1970-х, но иногда я обращаюсь и к более ранним или поздним вехам, особенно говоря об Америке. Кроме того, после 68-го его активные участники никуда не исчезли, а небольшая часть из них приобрела максимальное влияние ближе к концу XX века. Таким образом, 68-й растягивается на несколько десятилетий.

По крайней мере в одном важном аспекте мой подход может показаться странным и даже противоречащим фокусировке на «долгом 68-м». Дело в том, что на меня повлияли исследования французских историков, посвященные тому, что они называют «*les années soixante-huit*» – «шестьдесят восьмые годы». Под этим понимается нечто близкое тому, что я определяю как «долгий 68-й». Их усилия по «децентровке» интересующей нас даты сопровождаются попытками «децентрировать» и саму Францию того времени, подчеркивая роль провинций в противовес Парижу. Однако постепенно я сделал вывод о том, что подход, основанный на «шестьдесят восьмых годах», иногда более применим к другим странам, чем к самой Франции. К сожалению, некоторые важные аспекты французского опыта он вообще оставляет без внимания. Я вполне понимаю энтузиазм французских историков, стремящихся уйти от избитого взгляда, сфокусированного на столичном бульваре Сен-Мишель, и расширить диапазон своего анализа. С этим подходом отчасти связано и стремление отстоять важность 68-го вопреки тем, кто провозглашает его незначительным – и я поддерживаю это намерение. Тем не менее мне кажется, что французские историки пали жертвами собственной оригинальности и изощренности, поскольку в итоге они не уделяют достаточного внимания майско-июньским событиям в самой Франции и особенно в Париже, когда на демонстрации выходили десятки и сотни тысяч людей и почти десять миллионов рабочих участвовали в забастовках. Даже самые радикальные активисты 1970-х позже объясняли свои действия, ссылаясь на драму 68-го. Один из них вспоминал: «За месяц мы научились большому, чем они [учителя] дали нам за семь лет»⁴. По этой причине глава, посвященная Франции, опирается на подход, который кому-то может показаться традиционным: она почти полностью концентрируется на 1968-м, и особенно на двух месяцах этого года, делая упор на события в Париже. Я признаю, что и французский 68-й необходимо рассматривать в более продолжительном временном промежутке и более широком географическом контексте, но, по-моему, лучше это было сделать в отдельных тематических главах. Это, кстати, подтверждает, что я всерьез воспринимаю идеи французских историков, которые предлагают помещать события во Франции в общий международный контекст.

Сравнительный подход, используемый в этой книге, местами может противоречить недавним исследованиям. Многие историки, занимаясь 1968-м, преуменьшают значение национальных особенностей или затушевывают их – то ли из-за того, что находятся под влиянием «транснациональных» подходов, сфокусированных на связях между странами, то ли просто из-за того, что оспаривают клишированные способы национального самовосприятия. Сравнительная перспектива, однако, демонстрирует, что привычные клише порой имеют под собой

³ Jonah Raskin, *Out of the Whale: Growing up in the American Left* (New York, 1974); Thai Jones, *A Radical Line: From the Labor Movement to the Weather Underground, One Family's Century of Conscience* (New York, 2004).

⁴ Daniel Bertaux, Danièle Linhart, Béatrix Le Wita, 'Mai 1968 et la Formation de Générations Politiques en France', *Le Mouvement Social*, 143 (1988), pp. 75–89.

реальные основания. Так, американские историки в недавних исследованиях попытались оспорить представление, согласно которому возникновение движения «Студенты за демократическое общество» (Students for a Democratic Society) было отмечено «невинным» оптимизмом, который улетучился из-за насилия, сопровождавшего 1968 год. Дело, однако, в том, что, по сравнению с большинством западноевропейских студентов-радикалов, их американские единомышленники начала 1960-х действительно были невинными, а конец того же десятилетия в США действительно был жестоким временем. Точно так же некоторые немецкие историки сейчас опровергают концепцию, согласно которой рабочие не играли никакой роли в волнениях конца 1960-х⁵. Но сравнение с другими странами указывает, что немецкие рабочие на самом деле были менее радикальными, чем их единомышленники по всему миру. В то время как майские и июньские забастовки 1968 года во Франции были столь масштабными, что правительство не могло сосчитать их участников, в Германии того периода забастовки оставались столь редкими, что Международная организация труда даже не озаботилась их фиксацией.

Что касается географического охвата, то эта книга сосредоточена на демократических государствах индустриального Запада. Опять же я понимаю, что такая интерпретация 68-го может показаться проблематичной, поскольку важные события этого периода часто происходили за пределами Западной Европы и Северной Америки. «Пражская весна» и ее разгром, война во Вьетнаме, китайская «культурная революция», жестокое подавление протестов на фоне Олимпийских игр в Мехико – во всех этих событиях для миллионов людей решались вопросы жизни и смерти. И, разумеется, в плане пролития крови и грандиозности катаклизмов они нередко были заметнее того, что делалось на индустриальном Западе. Как раз по этой причине я не рискую объединять все эти истории в единую картину, признаваясь одновременно и в том, что мне явно не хватило бы познаний, попытаюсь я сделать это. Моя интерпретация 68-го распространяется только на благополучные страны, в которых объектами радикальных протестов стали демократически избранные правительства. Даже те из европейских и североамериканских активистов, которые провели время за пределами Запада – и, возможно, они в первую очередь, – признавали, что в их родных странах 68-й имел свои особенности. Луиза Пассерини, посетившая в конце 1960-х годов Кению, Мозамбик, Замбию и Египет, позже признавала: «Пока я разъезжала по "третьему миру", 1968-й разворачивался в странах "первого мира"»⁶. Конфликты в Азии, Латинской Америке и Восточной Европе попадают в поле моего зрения только в той степени – иногда, кстати, весьма значительной, – в какой происходящее там действительно или предположительно влияло на события в Западной Европе или Северной Америке.

Я посвятил отдельные главы Соединенным Штатам, Франции, Германии и Великобритании. Америка важна отчасти потому, что она была самой могущественной среди западных демократий. Протестующие в других местах нередко наблюдали за ней с большим вниманием – не только из-за того, что относились к ее правительству с ненавистью, но и потому, что пытались подражать американской «контркультуре». Америка иллюстрирует одну из частных версий 68-го – ту, для которой характерны небывалый подъем массовых движений в 1960-е и столь же глубокий их упадок в 1970-е, включавший, помимо прочего, разрыв между студенческим движением и рабочим классом. Безусловно важна Франция, поскольку именно на нее в 1968 году смотрел весь мир. Кроме того, она представляла интересную антитезу Америке благодаря альянсу, который сложился здесь между рабочими и студентами. Важность Германии обусловлена тем, что ее версия 68-го довольно часто – хотя лично я считаю такой подход ошибочным, – рассматривается как порождение нацистского прошлого 1930-х и/или предчувствие террори-

⁵ Marica Tolomelli, '1968: Formen der Interaktion zwischen Studenten und Arbeiterbewegung in Italien und der Bundesrepublik', *Geschichte und Gesellschaft, Sonderheft 17* (1998), S. 82–100.

⁶ Luisa Passerini, *Autobiography of a Generation: Italy, 1968* (Hanover, NH, 1996), p. 60.

стического будущего 1970-х. Наконец, Великобритания представляет другую разновидность 68-го – ту, что обрела кульминацию в 1970-е годы и в которой рабочие сыграли выдающуюся роль.

Эта книга главным образом обобщает исследования, предпринятые другими людьми. Несмотря на то что мне пришлось немного позаниматься архивной работой в Великобритании и во Франции, в основном я опирался на вторичные источники и те немногие первичные, которые уже опубликованы. В случае 68-го различие между двумя этими типами источников остается непривычно размытым, потому что многие из специалистов сами были «включенными наблюдателями» описываемых ими событий. Не все авторы, свидетельства которых я использовал, согласятся с моей интерпретацией их трудов. Участники «долгого 68-го» нередко возмущаются, когда кто-то другой рассказывает «их историю». Я понимаю, что изыскания в области современной истории часто кажутся странными для тех, кто сам проживал описываемые историками события. Тем не менее не вижу причины, по которой непосредственные участники 68-го должны претендовать на особое право – право избежать холодного скальпеля исторического анализа. Кроме того, в этой книге предпринимается попытка интегрировать 68-й в широкий контекст политической истории большого временного периода. В ней утверждается, что один из способов понять 68-й предполагает изучение также и тех, кто противостоял протестам или пытался так или иначе ими управлять – в правительствах, профсоюзах и традиционных политических партиях.

Глава 1

Слова и «вещь»: определение 68-го

«Красота – на улице» – плакат 68-го

Консерватор Энох Пауэлл был ключевой фигурой британского 68-го. В апреле того года он обрушился на «цветных» иммигрантов в публичном выступлении, которое назвали «речью о реках крови», и с тех пор его появление в университетах неизменно вызывало возмущение со стороны студентов. Однако позиция Пауэлла была отнюдь не однозначной. Его антиамериканизм был поистине неистовым, а отношение к вьетнамской войне скорее напоминало взгляды его заклятых врагов. Поклонники часто писали письма Пауэллу, но он не всегда соглашался с их идеями. Один из его корреспондентов, например, был уверен, что массовое появление китайских ресторанов в английских деревнях – это прикрытие для проникновения маоизма, но политик не разделял такое мнение⁷. А когда Пауэллу написала обеспокоенная мать, обнаружившая у дочери журнал *Honey* со статьей о девушке, которая познакомилась с сексом, наркотиками и левыми идеями в коммуне Wild Blue Yonder, он осторожно предположил, что статья могла быть ироничной⁸. Некоторые послания политик складывал в коробки, маркированные ярлычками «Безумцы», но зато письма, связанные с контркультурой, студенческим радикализмом и властью профсоюзов, помещал в отдельную папку, названную просто – «Вещь».

Многие разделяли ощущение Пауэлла: таким людям казалось, что они способны распознавать определенный тип радикальных идей, но не умеют выразить это понимание в словах. У сторонников 68-го и их противников было любопытное сходство: они определяли себя через тех, кому противостояли (или через тех, кто противостоит им), а не через то, что ими отстаивалось. Стюарту Холлу, скорее всего, нашлось бы место в пауэлловской папке «Вещь». Это был чернокожий теоретик культуры, который в 1968 году участвовал в студенческом захвате Бирмингемского университета; французские консерваторы посчитали бы, что такой человек отмечен «мышлением 68-го» (*la pensée 68*). В 1979 году Холл определил тэтчеризм как оппозицию «радикальным движениям и политическим всплескам 1960-х, для которых "1968" является удобным, но не вполне адекватным обозначением»⁹. В апреле 1965 года, под занавес демонстрации против вьетнамской войны, Пол Поттер, лидер организации «Студенты за демократическое общество», произнес речь. Он призвал собравшихся «назвать эту систему по имени» – определиться, против кого они сражаются. Некоторые предположили, что имеется в виду капитализм, но сам Поттер не использовал это слово. Подобно Пауэллу и Холлу, он, по-видимому, полагал, что собственные ценности лучше определять через их противоположность. Позже он скажет: «Слово, которое мы ищем... должно именовать не только "систему", но и нас самих»¹⁰.

Слова – в памфлетах, речах, лозунгах, граффити – в 68-м были очень важны. Французский историк писал: «Революция? Май 68-го был лишь одним из слов, и оно стало первейшим потому, что обществу, по выражению [богослова XVII века] Боссюэ, надоело все время подчиняться»¹¹. В 68-м некоторые считали, что уход от формальности в самовыражении уже есть политический акт. Когда Мишель Рокар, родившийся в 1930 году, в 1968-м пытался убедить Пьера Мендес-Франса, родившегося в 1907 году, выступить на митинге, он предлагал перевести речь последнего на «диалект мая 68-го»¹². Журналисты альтернативной прессы в Великобритании и США широко использовали в своей работе язык улиц: такие словечки, как «легавый», «менты», «загребли», были для них типичными. В континентальной Европе использование английских (или американских) выражений становилось признаком радикалов. Француз Режи Дебрэ, относившийся к своему поколению *soixante-huitards* с едким пре-

⁷ Stafford, Staffordshire Public Record Office (Staff), D4490/48, letter from J.C.H., 20 November 1970.

⁸ Ibid., Powell to Patricia S., 12 April 1972.

⁹ Stuart Hall, 'The Great Moving Right Show', *Marxism Today*, January 1979.

¹⁰ Sean D. Stryker, 'Knowledge and Power in the Students for a Democratic Society, 1960–1970,' *Berkeley Journal of Sociology*, 38 (1993), pp. 89–138.

¹¹ Charles Morazé, *Un Historien Engagé: Mémoires* (2007), p. 305.

¹² См. выступление Мишеля Рокара на «круглом столе» в 2001 году: 'Table Ronde: Pierre Mendès France et Mai 68', *Matériaux pour l'Histoire de Notre Temps*, 63, 1 (2001), pp. 161–79.

зрением, заявлял, что старый коммунистический журнал *Cahiers du Communisme* издается на французском, но тем, кто хочет читать газету *Libération*, основанную после 1968 года, «нужно знать американский»¹³. Немецкие левые радикалы разговаривали на смеси «берлинского диалекта, американского сленга и жаргона общественных наук»¹⁴. В то же время политические теории иногда обсуждались и на таком языке, который казался намеренно запутанным. Журналист одной подпольной газеты жаловался, что маоистская Прогрессивная рабочая партия (Progressive Labour Party) «живет словно в Средиземье Толкина, где марксистско-ленинские хоббиты и орки пользуются руническим языком, понятным только им самим»¹⁵.

В 68-м даже самые простые слова становились политически окрашенными. Слово «студент» звучало отовсюду, даже несмотря на то, что в организациях, использовавших его в названии – таких, как «Студенты за демократическое общество» в США или Социалистический союз немецких студентов (Sozialistischer Deutscher Studentenbund) в Германии, – было много тех, кто уже давно покинул университетскую скамью. В Великобритании это слово подразумевало передовую современность и резко контрастировало со словом «учащийся» (undergraduate). Ричард Кроссман, лейбористский министр труда, бывший профессор Оксфорда и ярый противник молодежных движений, в марте 1968 года писал, что проблема «старых университетов» в том, что в них «все сделались студентами, а учащихся не осталось вовсе»¹⁶.

Слова, которые задавали смысл 68-го – «мультиверситет», «контркультура» – зачастую были придуманы в 1960-х. Некоторым левым активистам казалось, что они впервые дают имена определенным «вещам». Английская феминистка Шейла Роуботам вспоминала о своем американском друге: «Генри придумал термин для обозначения беспокоивших нас проблем: он назвал их "мужским шовинизмом"»¹⁷. Слово «гей» уже давно использовалось мужчинами-гомосексуалами, но в начале 1970-х оно приобрело новые политические коннотации. Исследовательница, которая в 1990-е проводила интервью с ветеранами созданного в 1971 году британского Фронта освобождения геев (Gay Liberation Front), отмечала, что эти люди выросли во времена, когда слово «гомофил» (homophile) было наиболее безопасным термином для обозначения своей сексуальной ориентации. Респонденты вздрагивали, когда она употребляла слово «квир» (queer), привычное для активистов ее поколения¹⁸.

В 1961 году Микаэль Шуманн, член левой немецкой студенческой ассоциации, заявил: «Мы часть движения, которое возникло в Англии под именем "New Left", а во Франции называется "Nouvelle Gauche"»¹⁹. То же понятие «новые левые» использовалось и в США: в 1966 году вестник организации «Студенты за демократическое общество» получил название *New Left Notes* – «Новые левые тетради». Показательно, что один из студенческих лидеров считал, что «новые» и «старые» американские левые различаются по языку: «Старые левые называли бы это противоречием, но указанный парадокс был, скорее, интеллектуальным новшеством, а не объективным конфликтом»²⁰. Социолог Чарльз Райт Миллс, который вдохновлялся студенческим движением в США, изложил свои взгляды в «письме "новым левым"», на деле отправ-

¹³ Régis Debray, *Modeste Contribution aux Discours et Cérémonies Officielles du Dixième Anniversaire* (1978), p. 49.

¹⁴ Publisher's introduction, Michael (Bommi) Baumann, *Love or Terror: A Personal Account of a West German Urban Guerrilla* (1979), p. 12.

¹⁵ Jeremy Varon, *Bringing the War Home: The Weather Underground, the Red Army Faction and Revolutionary Violence in the Sixties and Seventies* (Berkeley, CA, 2004), p. 46.

¹⁶ Richard Crossman, *The Diaries of a Cabinet Minister, vol. II: Lord President of the Council and Leader of the House of Commons, 1966–68* (1976), p. 700. Запись от 10 марта 1968 года.

¹⁷ Sheila Rowbotham, *Promise of a Dream: Remembering the Sixties* (2001), p. 162.

¹⁸ Lisa Power, *No Bath but Plenty of Bubbles: An Oral History of the Gay Liberation Front, 1970–73* (1995).

¹⁹ Martin Klimke, *The Other Alliance: Student Protest in West Germany and the United States in the Global Sixties* (Princeton, 2010), p. 14.

²⁰ Tom Hayden, *Reunion: A Memoir* (1988), p. 93.

ленном в английский журнал *New Left Review*. Однако повсеместное употребление термина «новые левые» отчасти было связано и с тем, что он охватывал множество самых разных явлений. Отчет ЦРУ резюмировал это следующим образом:

«Те, кого условно называют "новыми левыми", на самом деле имеют мало общего друг с другом. Их объединяет лишь то, что они многим обязаны таким авторам, как американский социолог Чарльз Райт Миллс, философ-гегельянец Герберт Маркузе и ныне покойный чернокожий психиатр Франц Фанон. <...> Сам по себе термин "новые левые" не несет особого смысла – его можно использовать для обособления современных молодых радикалов от группировок коммунистов-социалистов межвоенного периода. Этим термином обозначают совокупность разрозненных и аморфных местных групп с неопределенным или постоянно меняющимся руководством и эклектичными программами <...> [За ним стоит] смесь анархизма, утопического социализма и глубокой вовлеченности в жизнь общества»²¹.

Понятие «68-й» не очень-то часто использовали в самом 1968-м. Те, кто тогда надеялся на революционные изменения, воспринимали современность как прелюдию к чему-то более драматичному. Некоторые французские революционеры летом 1968 года даже перестали платить налоги: пока судебные приставы не начали описывать их мебель, они верили, что буржуазный строй вот-вот падет. Возможно, Франция начала говорить о «68-м» раньше других из-за того, что сразу после напряженной драмы мая 1968 года наступил период затишья. Пьер Граппин, декан университета в Нантере, в конце того года бежал от студенческих волнений в США. Вернувшись, он обнаружил «мир, в котором май 68-го превратился в миф, направляющий людей»²². Революционеры повсеместно смотрели в будущее. Где-то в 1970-м или 1971-м группа итальянских активистов, предположительно после принятия наркотиков, устроила спиритический сеанс, в ходе которого они вызвали дух Франца Фанона и поинтересовались, когда же произойдет революция. Обозначенный призраком 1984 год разочаровал активистов – они не хотели ждать так долго²³. Выражения вроде «человек 68-го» или «soixante-huitard» предполагали прошедшее время – нечто, что уже завершилось.

В 68-м некоторые вели себя так, будто необходимость давать определения уже оказывалась актом принуждения. Американское пособие для тех, кто хотел основать коммуну, рекомендовало: «Вероятно, вам лучше никак не называть себя... поскольку тогда на вас будут выходить только проверенные люди»²⁴. В 1968 году во время суда над франкфуртскими демонстрантами адвокат назвал их самопровозглашенной «внепарламентской оппозицией». Реагируя на эти слова, франко-германский студенческий лидер Даниэль Кон-Бендит, вскочив с места, заявил, что только «студенческий парламент» имеет право решать, кто принадлежит к внепарламентской оппозиции, а кто нет²⁵.

На деле «люди 68-го» и Кон-Бендит, в частности, все-таки позволяли классифицировать себя. Их заявления широко циркулировали в кругу друзей. Кон-Бендит опубликовал книгу «Мы так сильно любили революцию»²⁶, а американское издание автобиографии Тома Хайдена вышло под названием «Воссоединение». Впрочем, нам не стоит полагаться на воспоминания известных деятелей 68-го, ибо их уверенные и красноречивые свидетельства не всегда надежны. В конце 2016 года Кон-Бендит дал интервью для радио, где упоминал о своей встрече

²¹ См.: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0002987248>.

²² Pierre Grappin, *L'Île aux Peupliers. De la Résistance à Mai 68: Souvenirs du Doyen de Nanterre* (Nancy, 1993), p. 281.

²³ Luisa Passerini, *Autobiography of a Generation: Italy, 1968* (Hanover NH, 1996), p. 109.

²⁴ Richard Fairfield, *Communes USA* (New York, 1972), p. 3.

²⁵ *The Times*, 31 October 1968.

²⁶ Daniel Cohn-Bendit, *Nous l'Avons Tant Aimée la Révolution* (1986).

с Сартром, состоявшейся в 1968 году. По словам революционера, философ тогда выглядел напуганным. Разумеется, сам Сартр описывал эту встречу иначе²⁷. Кон-Бендит также утверждал, что в 1968 году студенты-«гошисты» изгнали из Нантера лидера коммунистов Роже Гароди, хотя на самом деле это был Пьер Жукен.

Ключевые фигуры 68-го нередко уже тогда осознавали себя субъектами исторического процесса. Они понимали, что впоследствии их поступки и мысли будут изучать историки. Итальянская повстанческая группировка «Передний край» (Prima Linea) самораспустилась в 1983 году отчасти ради того, чтобы дать своим членам возможность «полностью реконструировать историю организации, ее возникновение и развитие, цели и деятельность, не позволив другим запечатлеть пройденный путь»²⁸. Прежде чем уйти в подполье и создать группировку «Синоптики» (Weathermen), участники организации «Студенты за демократическое общество» в феврале 1970 года совершили в Чикаго одну из своих последних акций: они связались с членом Исторического общества штата Висконсин, который вскоре приехал на фургоне, чтобы забрать архивы организации²⁹. В Париже две группы историков, которые симпатизировали студенческим движениям, собирали документы, относящиеся к протестам мая 1968 года³⁰.

Профессия историка была тесно связана с 68-м, и сама эта связь сейчас стала объектом исследования³¹. Многие историки – дети послевоенного беби-бума и подъема университетов – в 68-м были на пороге своей академической карьеры. Иногда они считали, как выразился Джефф Эли, что политические обязательства «сподвигли их стать историками»: «Возникновение социальной истории стало возможным благодаря новому политическому контексту, заданному 1968 годом»³². Француз Марк Эргон решил бросить исследования Средиземноморья в наполеоновскую эпоху, предпочитая не писать историю, а творить ее как революционер и член Объединенной социалистической партии (Parti Socialiste Unifié). Впрочем, другие – Гарет Стидман Джонс и Шейла Роуботам в Великобритании или Али Гёц в Германии – считали политику и исторические исследования тесно взаимосвязанными. В файлах лондонской полиции, посвященных молодым американским радикалам, можно встретить немало имен будущих исследователей-историков: Роберт Бреннер позже стал профессором истории в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, а Линда Гордон начала преподавать ту же науку в Нью-Йоркском университете. Сюзен Зейгер, которая публиковалась в лондонской подпольной прессе под псевдонимом Сьюзи Творожок (Susie Creamcheese), теперь занимается исследованиями по истории женщин³³.

Но есть один интересный момент. Больше всего «людей 68-го» восхищали историки старшего поколения – Эрик Хобсбаум, Эдвард Томпсон и Фернан Бродель, родившиеся в 1917-м, 1924-м и 1902 годах соответственно. С последним, впрочем, все было не так просто, ведь Бродель был консерватором и даже написал восторженное письмо Шарлю де Голлю³⁴, но в 1968 году его возмутило наступление на академические свободы³⁵. Хобсбаум и Томпсон больше сопереживали молодежному протесту, но все равно не чувствовали своего родства с

²⁷ John Gerassi, *Talking with Sartre: Conversations and Debates* (New Haven, CT, 2009), p. 236. Сартр сказал о Кон-Бендите: «Он был не таким уж и блистательным – мне этот человек не очень нравился».

²⁸ Anna Cento Bull, Philip Cooke, *Ending Terrorism in Italy* (2013), p. 75.

²⁹ Ron Jacobs, *The Way the Wind Blew: A History of the Weather Underground* (1997), p. 94.

³⁰ Alain Schnapp, Pierre Vidal-Naquet, *Journal de la Commune Étudiante: Textes et Documents, Novembre 1967–Juin 1968* (1969); Jean-Claude, Michelle Perrot, Madeleine Rebérioux, Jean Maitron, 'La Sorbonne par Elle-Même: Mai – Juin 1968', *Le Mouvement Social*, 64 (1968).

³¹ Один французский журнал посвятил целый выпуск собственной роли в событиях 1968 года; см.: *Le Mouvement Social*, 223 (2008).

³² Geoff Eley, *The Crooked Line* (Ann Arbor, MI, 2005), pp. 4, 53.

³³ TNA HO 325/104, Metropolitan Police, Special Branch Reports, 22 and 26 February 1968.

³⁴ Sudhir Hazareesingh, *In the Shadow of the General: Modern France and the Myth of de Gaulle* (Oxford, 2012), p. 185.

³⁵ Marc Ferro, *Mes Histoires Parallèles: Entretiens avec Isabelle Veyrat-Masson* (2011), p. 338.

ним. Политически и интеллектуально они принадлежали к традиции, придающей большое значение структуре, строгости и интеллектуальной отстраненности. Хобсбаума удивило то, что радикалы в Беркли и Париже придавали такое большое значение его работе «Простые бунтовщики» (*Primitive Rebels*), написанной в 1959 году. В этой книге он пытался объяснить «дополнительные» формы неповиновения, но не предполагал, что кто-то решит использовать их в современном мире³⁶. Томпсон полусерьезно писал, что в будущем студентам-радикалам пошло бы на пользу перевоспитание «в какой-нибудь дисциплинированной организации вроде Корпуса подготовки офицеров запаса или Коммунистической партии Великобритании»³⁷.

Возможно, пропасть между «людьми 68-го» и историками старшего поколения, которыми те восхищались, отчасти связана с тем, что первые придавали гигантское значение субъективному опыту, в особенности своему собственному. То же обстоятельство способно объяснить разрыв между «людьми 68-го» и историками младшего поколения, которые изучают эти события сейчас. Трое детей участников 68-го – Жюли Пажис и Виржини Линхарт из Франции, а также София Серенелли из Италии – отмечали, что современники их родителей зачастую соглашались на интервью только на собственных условиях. Презируя понятие имущества, они тем не менее настаивали на «праве собственности» на свои истории. Так, один из респондентов Пажис написал в опросном листе: «Вы думаете, что нас можно расписать по папкам и изучить при помощи статистики... Но лично я сделал единственно правильный выбор, позволяющий оставаться самим собой: надо всегда быть свободным и не зависящим ни от кого»³⁸.

Устные истории, особенно значимые для изучения 68-го, усиливают ощущение того, что участники тех событий действительно имеют право на собственный нарратив. Они часто принадлежат к одному сообществу и являются авторами письменных мемуаров; например, ветеран организации «Студенты за демократическое общество» сухо отвечал историку, который опрашивал его в 1997 году, что он остался «одним из немногих активистов, кто не написал мемуары»³⁹. Результатом стал обширный массив подтверждающих друг друга воспоминаний, подготовленный одними и теми же людьми. «Люди 68-го» питают особую слабость к автобиографиям. Некоторые из них политически выросли в кругах, где индивидуальным историям приписывалось особое значение: именно там формировались самокритичные автобиографии французских коммунистов (*autocritique*) и молодых католиков, состоявших в церковных молодежных движениях (*révision de vie*). По замечанию Жюли Пажис, последующая популярность психоанализа в рядах бывших активистов лишь подтверждает то, что они всегда с трепетом относились к фиксации событий собственной жизни⁴⁰.

Историки, занимающиеся 1968-м, на редкость деликатны в суждениях. Возможно, дело в необыкновенной напористости и красноречивости изучаемой ими группы – или же они считают, что в данном случае поучающая олимпийская невозмутимость просто неуместна. Как бы то ни было, исследователи устной истории часто приводят отрывки из интервью, не вписывая их в более широкий контекст, что можно было бы сделать при помощи письменных источников или устных свидетельств других людей. Иногда даже упоминание самых банальных фактов воспринимается как насилие над субъективностью. Возьмем, например, работу Николя Даума, в которой он изучает «безымянных *soixante-huitards*» – своих товарищей по парижской дискуссионной группе 1968–1972 годов. Каждое подготовленное им интервью выделено в отдельную главу, которой, однако, не предшествуют привычная в таких случаях биографическая справка или описание героя. Такие детали, как дата рождения, профессия и семейное положение, если

³⁶ Eric Hobsbawm, *Interesting Times: A Twentieth-Century Life* (2002), p. 250.

³⁷ Scott Hamilton, *The Crisis of Theory: E. P. Thompson, the New Left and Postwar British Politics* (Manchester, 2011), p. 125.

³⁸ Julie Pagis, *Mai 68: Un Pavé dans Leur Histoire* (2014), p. 81.

³⁹ Robbie Lieberman, *Prairie Power: Voices of 1960s Midwestern Student Protest* (Columbia, MO, 2004), p. 76.

⁴⁰ Pagis, *Mai 68*, p. 31.

и упоминаются, то только в самих интервью. Лишь когда один из опрошенных использовал в беседе слова «наша семья», Даум отметил в примечании, что тот приходится ему дальним родственником⁴¹.

Порой сами историки наглядно показывают, почему не стоит полностью полагаться на личные свидетельства о 68-м. Как-то раз некий профсоюзный активист, интервьюируемый более молодыми коллегами, предоставил им красочный отчет о том, что он пережил во Франции в мае 1968 года. Позже, однако, он связался со своими интервьюерами и смущенно объяснил им, что обнаружил свой старый ежедневник, согласно записям которого в мае 1968-го он находился в Италии. Респондент предположил, что в то время мог отменить поездку, но особой уверенности у него уже не было⁴².

К моменту публикации в 1991 году своих мемуаров Анни Крижель уже начала осуждать 1968-й, отзываясь о студенческих волнениях с пренебрежением и насмешкой. При этом она отмечала, что требования активистов в Реймском университете, где она преподавала в 1968 году, были умереннее и реалистичнее, чем у их единомышленников в Нантере, где она получила должность в 1969-м. Перед Нантером она побывала в Беркли, и это вообще был «дурной сон»: университет напугал ее не только «позитивной дискриминацией» и «женскими исследованиями» (women's studies), но также сворами собак, брошенных студентами в конце семестра и, по ее утверждениям, пожиравших друг друга⁴³. Сообщения Крижель решительно отличаются от воспоминаний коллег, включая ее родного брата⁴⁴. В качестве примера можно сослаться на Поля Вена и Мориса Агюлона, современников Крижель, преподававших в Университете Экс-ан-Прованса. По словам первого, в 68-м студенты протестовали против буржуазного образа жизни, а Шарль де Голль, которого считали «старомодным и смешным»⁴⁵, их не сильно интересовал. Второй, напротив, утверждал, что у движения были конкретные и довольно умеренные требования: молодежь хотела добиться университетской реформы и отправить в отставку де Голля⁴⁶.

По-видимому, едва ли стоит безоговорочно ориентироваться на свидетельства только непосредственных участников революционных потрясений. Воинственный дух того времени сказался даже на тех, чье отношение к майским событиям было неоднозначным. История режиссера Луи Маль демонстрирует, насколько разными могли быть пути «людей 68-го». Он тоже был напрямую причастен к 1968-му, поскольку входил в жюри Каннского фестиваля, ушедшего в отставку в знак солидарности с протестующими студентами. После возвращения в Париж Маль оказался в центре уличных боев полиции с протестующими. Более того, еще в 1965 году он снял фильм «Вива, Мария!», который воодушевлял немецких левых: посмотревший эту картину студенческий лидер Руди Дучке утверждал, что революционеры делятся на тех, кто похож на героиню Бриджит Бардо, и тех, кто напоминает героиню Жанны Моро. В 1974 году Маль снял фильм «Лакомб Люсьен», который отражал умонастроение «людей 68-го» в своей интерпретации немецкой оккупации Франции, подрывая стереотипный образ Сопrotивления. В 1968 году Маль уже был известным режиссером, хотя ему только исполнилось тридцать шесть. У него были сложные отношения с политикой, потому что его часто восхищали персонажи из лагеря крайне правых – например, Дриё ла Рошель. Наконец, в 1990

⁴¹ Nicolas Daum, *Mai 68: Des Révolutionnaires dans un Village Parisien, 20 Ans Après* (1988). В 2008 году эта книга была переиздана в слегка обновленной редакции, уделявшей больше внимания последующим карьерам некоторых из респондентов. См.: *Mai 68 Raconté par des Anonymes*.

⁴² Myriam Chermette, Anne-Sophie Lechevallier, 'Des Droites: Postures et Récits de Réactions', Agnès Callu (ed.), *Le Mai 68 des Historiens: Entre Identités Narratives et Histoire Orale* (2010), pp. 159–68, p. 164.

⁴³ Annie Kriegel, *Ce Que J'ai Cru Comprendre* (1991), p. 710.

⁴⁴ Jean-Jacques Becker, *Un Soir de l'Été 1942... Souvenirs d'un Historien* (2009), pp. 284–305.

⁴⁵ Paul Veyne, *Et dans l'Éternité je ne m'Ennuierai Pas: Souvenirs* (2014), p. 176.

⁴⁶ Maurice Agulhon, 'Vu des Coulisses', Pierre Nora (ed.), *Essais d'Ego-Histoire* (1987), pp. 9–59, p. 37.

году он снял «Милу в мае»: фильм, который высмеивал события 1968 года, изображая их с точки зрения эксцентричной семьи провинциальных буржуа. В свою очередь, Мишель Пикколи, который играл в нем разочарованного мужчину средних лет, рассказывал, что в 1968 году он намеревался оставить актерскую карьеру, чтобы полностью посвятить себя революционной деятельности⁴⁷.

Наиболее заметно события 68-го повлияли на рабочий класс – по крайней мере, в Европе. В конце 1960-х рабочие во Франции, Италии и Великобритании устраивали забастовки и часто объединялись с другими активистами. Студенты-радикалы с энтузиазмом вовлекали рабочих в свои акции, но даже во время сравнительно коротких стачечных эпизодов рабочие редко воспринимали себя как политических активистов и «людей 68-го». Кроме того, они гораздо реже писали мемуары, чем активисты из среднего класса. Можно утверждать, что своей писательской активностью представители среднего класса затмили опыт рабочих. Характерный пример – жизнь французского интеллектуала-маоиста Робера Линара. Осенью 1968 года он ушел из Высшей нормальной школы и устроился работать на завод Citroën. Линар хотел помочь рабочим организовать собственную революцию. Описывая свой опыт, он пытался избавиться от присущего автобиографиям самооправдания: «Буржуазия воображает, что она обладает монополией на личные истории... Но у нее всего-навсего есть монополия на публичное высказывание, и не более того»⁴⁸. Тем не менее, хотел того Линар или нет, наибольшее внимание привлекла именно его личная жизнь, психические проблемы, развод и попытка суицида, а не сами интересовавшие его рабочие. Об этом рассказывали его старые друзья, дочь и сестра Даниэль, которая сама занималась исследованиями событий 1968 года⁴⁹.

О студентах 68-го рассказывают словами, зачастую их собственными, но рабочих помнят по фотографиям. Забастовки и захваты фабрик часто оказывались в центре внимания публики благодаря тому, что съемочные группы могли их запечатлеть. При этом зрители мало что могли узнать об отдельных людях на экране. В 1996 году Эрве Ле Ру, родившийся в 1958 году, снял фильм «Реприза», снабдив его подзаголовком – «Путешествие к сердцу рабочего класса». Он использовал материалы незаконченного фильма 1968 года, который рассказывал о возвращении сотрудников фабрики по производству батареек Wonder в Сент-Уэне к работе после забастовки. В одном из эпизодов фильма женщина плачет и говорит: «Я не вернусь, ноги моей больше не будет в этой тюрьме, это слишком отвратительно». Эти кадры попали во многие документальные фильмы, и Ле Ру решил найти эту женщину. Ему это не удалось. Он выяснил, что она вышла замуж, родила дочь и ушла с фабрики, но установить ее имя не получилось⁵⁰.

Неожиданным образом 68-й затронул даже обеспеченных людей – например, Уильяма Вальдегрейва. Он родился в 1946 году и был одним из студенческих лидеров 68-го – хотя и в рафинированном мире Оксфордского союза. Он гордился сходством с Бобом Диланом и постоянно смешивал личное и политическое, что было вполне в духе времени: например, он вспоминал, что узнал о смерти Роберта Кеннеди, находясь в постели с девушкой. В 1969–1970 годах он учился в Гарварде по обмену, и однажды полицейские жестоко избили его только за то, что он оказался слишком близко к демонстрации «Синоптиков»⁵¹. Вальдегрейв написал письмо в *The Times*, осуждая поведение полицейских; по его словам, такое происшествие шокировало бы жителей континентальной Великобритании, чего он не решился бы сказать о североирландцах, имевших дело со спецподразделением ольстерской полиции B-Specials⁵².

⁴⁷ Alain Krivine, *Ça te Passera Avec l'Âge* (2006), p. 142.

⁴⁸ Robert Linhart, *L'Établi* (1978/1981), p. 83.

⁴⁹ Virginie Linhart, *Le Jour où Mon Père s'est Tu* (2008); см. также комментарии ее тети: *Le Monde*, 16 May 2008.

⁵⁰ Antoine de Baecque, 'Reprise d'Hervé le Roux', Philippe Artières and Michelle Zancarini-Fournel (eds.), 68, *une Histoire Collective, 1962–1981* (2008), pp. 271–5.

⁵¹ William Waldegrave, *A Different Kind of Weather: A Memoir* (2015), p. 71–84.

⁵² *The Times*, 25 April 1970.

Записи Вальдегрейва конца 1960-х создают впечатление, что он был студентом-радикалом. На самом деле он был амбициозным консервативным политиком. В 1968 году он, занимая пост президента Оксфордского союза, пригласил Квентина Хогга – тори, который терпеть не мог левое движение, – принять участие в дебатах под заголовком «Этому дому не стыдно за Британскую империю»⁵³. В 1970-х Вальдегрейв был членом секретного комитета, который обсуждал пути возможного восстановления «власти правительства». Однажды он спросил у товарищей, насколько легко организовать в Великобритании демонстрации в поддержку существующего режима вроде тех, что устраивали голлисты в Париже в конце мая 1968 года⁵⁴. Кроме Вальдегрейва были и другие консерваторы, в некотором смысле сочувствующие 68-му. Джон Скарлетт, ставший впоследствии дипломатом и руководителем британского Объединенного разведывательного комитета, в 1968 году учился в Оксфорде. Как «консерватор, не согласный с американской позицией по поводу войны во Вьетнаме и вместе с тем не испытывающий особого сочувствия к Вьетконгу», он писал в *The Times*, критикуя «неоправданно жестокие» действия полиции в отношении антивоенных демонстраций, в которых сам участвовал⁵⁵.

Кто-то может возразить, что, рассматривая британских консерваторов в качестве «людей 68-го», мы расширяем это понятие до полной потери смысла. Однако важно помнить, что студенты Лондонской школы экономики, которая была эпицентром британского 1968-го, в том же году выбрали консерватора Питера Уотерстона президентом своего студенческого совета, причем его отношения с радикально настроенными студентами складывались гораздо лучше, чем у предшественника-лейбориста⁵⁶. В целом же в протестах 68-го иногда участвовали и правые. Немецкие студенты, которые поддерживали христианских демократов, устроили свой собственный 68-й, не проявляя какой-либо враждебности по отношению к протестам левых⁵⁷. В Италии некоторые праворадикалы совместно со студентами противостояли властям⁵⁸. Правые во Франции (все еще не изжившие горечь от утраты Алжира) заявляли, что все враги де Голля – их друзья. При этом юные голлисты из числа тех, кто всерьез относился к риторике социальных реформ, также сочувствовали протестам 68-го. В начале мая 1968 года член голлистского Прогрессивного фронта (*Front du Progrès*) повесил на стену фотографию Че Гевары с подписью: «Де Голль такой же бунтарь, как и я»⁵⁹. Некоторые консервативные политики – к примеру, тот же Пауэлл в Великобритании или Джордж Уоллес в США, – враждебно относясь к самим протестным акциям, разделяли антисистемный настрой их организаторов.

У 68-го очень много аспектов. Его изучали под столь многочисленными углами зрения, что, работая только с одной гранью, можно с легкостью упустить остальные. Возьмем, например, недавний бум исследований, посвященных религиозным предпосылкам политического радикализма конца 1960-х. Благодаря ему мы узнали, что Том Корнелл, возглавлявший протесты против вьетнамской войны во второй половине 1960-х, так усердно добивался включения антивоенной декларации в итоговые документы Второго Ватиканского собора, что один из епископов назвал его «невидимым членом собора»⁶⁰; что французский монах-доминиканец Поль Бланкар помогал Фиделю Кастро составлять речь для заключительной церемонии Куль-

⁵³ Churchill College, Cambridge, Hailsham archives, HLSM 2/22/17, Waldegrave to Hailsham, 11 June 1968.

⁵⁴ Thatcher Foundation website, 111380, Minutes of the Authority of Government Policy Group, 22 October 1975.

⁵⁵ *The Times*, 20 March 1968.

⁵⁶ Colin Crouch, *The Student Revolt* (1970), p. 68.

⁵⁷ Anna von der Goltz, 'Generations of 68ers: Age-Related Constructions of Identity and Germany's "1968"', *Social and Cultural History*, 8, 4 (2011), pp. 473–91.

⁵⁸ Andrea Mammone, 'The Transnational Reaction to 1968: Neo-Fascist National Fronts and Political Cultures in France and Italy', *Contemporary European History*, 17, 2 (2008), pp. 213–36.

⁵⁹ François Audigier, 'Le Malaise des Jeunes Gaullistes en Mai 68', *Vingtième Siècle, Revue d'Histoire*, 70 (2001), pp. 71–88.

⁶⁰ Penelope Adams Moon, "'Peace on Earth: Peace in Vietnam": The Catholic Peace Fellowship and Antiwar Witness, 1964–1976', *Journal of Social History*, 36, 4 (2003), pp. 1033–57.

турного конгресса в Гаване в январе 1968 года⁶¹; что протестантская церковь во французском Монтрё и вовсе превратилась в политический центр. Однако стоит помнить, что этот процесс был неоднородным⁶². Те люди, которые по-прежнему считали себя религиозными, отличались от тех, кто порвал с религиозным воспитанием. Переосмыслившие свою религию – например, католические священники, вступавшие в браки, – отличались от политических радикалов, придерживавшихся прежних религиозных норм. В этом контексте уместно вспомнить монахиню из романа Дэвида Лоджа «Как далеко вы готовы пойти?» (*How Far Can You Go?*, 1980), которая, участвуя в антивоенных демонстрациях в Калифорнии, полагает, что кличка «мамочка», которую демонстранты присвоили полицейским, применима и к настоятельнице ее монастыря.

Тем не менее носители религиозного сознания составляли среди «людей 68-го» явное меньшинство. В основном активисты считали себя неверующими – так, заметную роль во Франции и Америке играли секуляризованные евреи, – а некоторые и вовсе выступали против религии. После того как волна протестов пошла на убыль, группа прогрессивных католиков попыталась учредить коммуну нового типа в деревне Кадне, но другие «люди 68-го», жившие по соседству, встретили их с раздражением⁶³. В любом случае, среди левых было немного религиозных людей, тем более что, реагируя на политический радикализм 1960-х, верующие начали симпатизировать правым⁶⁴. Даже интерес европейцев к восточному мистицизму не всегда говорил о приверженности контркультурным течениям: известно, что Крестмас Хамфрис, самый видный буддист Великобритании, председательствовал на суде над мятежными студентами в 1969 году⁶⁵.

Как же тогда определить 68-й? Несомненно, в нем было несколько составляющих: поколенческая – бунт молодых против старых; политическая – бунт против милитаризма, капитализма и господства США; культурная – бунт за утверждение рок-музыки и нового образа жизни. Иногда эти компоненты были взаимосвязанными, а иногда нет. 68-й зачастую подрывал существовавшие структуры или действовал в обход их. Спонтанное было важнее организованного. Массовые митинги и сидячие забастовки заменили формальные собрания. Несанкционированные стачки, захваты заводов и попытки учредить рабочие кооперативы бросали вызов как профсоюзам, так и работодателям. Иногда казалось, что 68-й подрывал сам себя. Движения начала 1970-х, которые боролись за эмансипацию женщин, освобождение геев и лесбиянок, а также организации, обратившиеся к вооруженным методам борьбы, были, как представляется, не только идейным продолжением 68-го, но и отрицанием некоторых его сторон.

⁶¹ Robert Gildea, James Mark, Niek Pas, 'European Radicals and the "Third World": Imagined Solidarities and Radical Networks, 1958–73', *Cultural and Social History*, 8, 4 (2011), pp. 449–71.

⁶² Julie Pagis, 'La Politisation d'Engagements Religieux: Retour sur une Matrice de l'Engagement en Mai 68', *Revue Française de Science Politique*, 60 (2010), pp. 61–89.

⁶³ Jean-Pierre le Goff, *La Fin du Village: Une Histoire Française* (2012), p. 182.

⁶⁴ Olivier Landron, *À la Droite du Christ: Les Catholiques Traditionnels en France depuis le Concile Vatican II, 1965–2015* (2015).

⁶⁵ London, National Archives (NA) CRIM 1/5256, summing up by Humphries in trial of Paul Hoch and others for riot, 20 July 1970.

Когда был 68-й?

Один музыковед предположил, что «68-й», подобно «барокко», – термин, относящийся, скорее, к стилю, чем к периоду. Между прочим, музыка барокко приобрела особую популярность как раз после 68-го: отчасти это было связано с тем, что стала выше цениться «подлинность», которая ассоциировалась с использованием настоящих музыкальных инструментов⁶⁶. Вопрос о хронологических рамках 68-го особенно важен для Франции, где основное место в коллективной памяти занимает единственный год (1968) и даже единственный месяц (май), когда происходили наиболее драматичные события. К сороковой годовщине парижских событий газета *Le Monde* напечатала карикатуру, на которой растерянный мужчина в книжном магазине задавал вопрос: «А про июнь 68-го у вас совсем ничего нет?» («Vous n'avez pas quelque chose sur juin 68?»). При этом именно французские историки наиболее разносторонне изучали 68-й, полагая, что корни этого феномена уходят глубоко в прошлое, а последствия будут еще долго напоминать о себе. Возможно, это было обусловлено их желанием избежать ограничений, к которым ведет изучение одного города в один месяц одного года. В 1980-е они ввели в оборот выражение «68-е годы», обычно используя его для обозначения периода с 1962-го, когда завершилась война в Алжире, и до 1981-го, когда начался первый президентский срок Франсуа Миттерана.

Любопытно, что термин «68-е годы», изначально придуманный для Франции, возможно, представляется еще более пригодным для изучения других стран. Имея в виду всю напряженность французской драмы, можно подумать, что в остальном мире в начале лета 1968 года было относительно спокойно. Но картина изменится, если мы раздвинем хронологические рамки. Некоторые считают, что эпоха европейских протестов началась в конце 1960-х и продолжалась по крайней мере до португальской революции 1974-го. В Германии студенческие протесты достигли пика раньше, в 1967 году, зато вооруженное политическое насилие вспыхнуло только в следующем десятилетии. Греция находилась под властью военной диктатуры с 1967 по 1974 год – в отношении этой страны историки говорят о «преддверии 68-го» (pre-1968), которое отчасти спровоцировало переворот, или о «затянувшемся 68-м», который способствовал падению режима⁶⁷. А итальянцы часто упоминают «горячую осень» 1969 года, когда повсеместные забастовки запустили новый цикл протестов.

Хронологические рамки важны, поскольку интерпретация 68-го отчасти зависит от того, где нам видится его завершение. Как написал один политолог, «итальянский 1968-й завершился с выборами 1976 года». Другие исследователи усмотрели последний аккорд долгого 68-го в «движении 1977 года», развернувшемся в городах северной Италии⁶⁸. Если же, остановив часы на отметке «1968», говорить о Германии, то придется констатировать, что здешнее студенческое движение к тому моменту распалось; притормозив на осени 1977 года, мы выясним, что террор явился главным результатом 68-го; если, наконец, продвинуться еще на десять или двадцать лет вперед, то обнаружится, что 68-й в итоге породил немецкую Партию зеленых и демократическую политику нового типа.

⁶⁶ Beate Kutschke, 'In Lieu of an Introduction', Beate Kutschke, Barley Norton (eds.), *Music and Protest in 1968* (Cambridge, 2013), pp. 1–11, p. 4; Kailin R. Rubinoff, 'A Revolution in Sheep's Wool Stockings: Early Music and 1968', in *ibid.*, pp. 237–54.

⁶⁷ Kostis Kornetis, *Children of the Dictatorship: Student Resistance, Cultural Politics, and the 'Long 1960s' in Greece* (2013).

⁶⁸ Yasmine Ergas, '1968–79. Feminism and the Italian Party System: Women's Politics in a Decade of Turmoil', *Comparative Politics*, 14, 3 (1982), pp. 253–79.

Где был 68-й?

В 1968 году протест захлестнул весь мир. Его проявления британские дипломаты описывали в том иронично-снисходительном тоне, какой обычно приберегался ими для описания несчастий других государств. Родрик Брейтвейт, довольно богемная фигура, по меркам британского министерства иностранных дел, сообщал из Рима, что он «вместе с друзьями из "Студенческого движения" (Movimento Studentesco) посетил захваченный студентами Римский университет, чтобы послушать выступление Джеймса Боггса, американского активиста из организации "Власть черным" (Black Power)». По словам дипломата, южный акцент Боггса был настолько неразборчивым, что публике «так и не удалось понять, до какой степени американскому гостю безразлично белое революционное движение»⁶⁹. А когда Исландия была парализована всеобщей забастовкой, британский посол объяснил ее «низким уловом сельди»⁷⁰. Как говорил один из делегатов Конференции стран Содружества, протесты в то время не затронули разве что Западную Австралию⁷¹.

Многие считают, что 68-й преодолевал и, возможно, разрушал государственные границы. Полицейское начальство и консервативные политики полагали, что за беспорядками в их странах стоит «международный заговор». Энох Пауэлл был одним из немногих консерваторов, кто скептически относился к подобным идеям. Одному из своих поклонников Пауэлл писал, что организация «маленького локального заговора» всегда казалась ему сложным делом⁷². Раймон Марселлин, министр внутренних дел Франции, написал книгу о связях между различными протестными движениями⁷³. А Бернский клуб, который в 1970-е координировал антитеррористические действия европейских правительств, был создан в 1968 году именно для борьбы с «молодежными протестами»⁷⁴.

Конспирологи, как правило, связывали протесты с интригами левых организаций, которые предположительно поддерживались Советским Союзом и Китаем. Голлисты во Франции, довольные тем, что внешняя политика их страны не вполне вписывалась в дихотомию холодной войны, иногда выдвигали и более экстравагантные теории. Британские дипломаты периодически задавались вопросом, не подозревают ли голлисты их в поддержке протестов. Один из работников британского министерства иностранных дел передавал слова генерального секретаря голлистской партии:

«По его утверждению, Франция стала жертвой международного заговора. Он считает, что в этом замешаны несколько держав, причем нас, как представляется, тоже подозревают. Когда его просят назвать конкретные страны, он упоминает Израиль и США. Он уверен, что они хотят избавиться от де Голля»⁷⁵. В мае 1968 года британский посол выезжал во французскую провинцию. Он сообщил, что за пределами Парижа многие верят, что студенты-агитаторы были подготовлены в Берне и Амстердаме. Лондон при этом, к радости дипломата, оставался вне подозрений⁷⁶.

⁶⁹ NA FCO 7/863, minute by Braithwaite, 20 June 1968.

⁷⁰ NA FCO 9/252, report by Halford-MacLeod, 28 March 1968.

⁷¹ NA FCO 68/128, report on conference on 'Youth in Revolt' held in Trinidad and Tobago in 1969.

⁷² Staff, D4490/48, Powell to E., 17 May 1972.

⁷³ Raymond Marcellin, *L'Ordre Public et les Groupes Révolutionnaires* (1969).

⁷⁴ Я благодарен Лизе Болд за то, что она познакомила меня со своей неопубликованной работой по этой теме.

⁷⁵ NA PREM 13/2563, Reilly to FO, 29 May 1968.

⁷⁶ Ibid., Reilly to FO, 22 May 1968.

В своих лозунгах студенты-радикалы представляли себя частью широкого международного движения «Париж, Берлин и Рим, вместе победим!». Некоторые радикалы чувствовали себя чужаками в родной стране. Боб Мозес, родившийся в Гарлеме и состоявший в Студенческом координационном комитете ненасильственных действий (Student Non-Violent Coordinating Committee), отправился на Юг, чтобы помочь движению за гражданские права. Он писал: «Когда ты оказываешься в Миссисипи, остальная Америка кажется нереальной; а когда ты в остальной Америке, нереальным кажется уже Миссисипи». К концу 1960-х, особенно во времена вьетнамской войны, другие активисты активно выражали неприязнь к собственной стране. Джерри Рубин, член Международной молодежной партии (Youth International Party), нарочито искажая название своей страны, писал: «В Америке я сирота – ну и хер с ней» («I am an orphan of Amerika. Fuck Amerika»)⁷⁷. Неправильное написание само по себе было политическим жестом. Чернокожие радикалы иногда писали название с тремя k – «Amerikkka». Вероятно, для потомков еврейских иммигрантов вроде Рубина немецкий вариант «Amerika» имел особое значение: он отсылал к трансатлантическим рейсам «Hamburg – Amerika», на которых их предки попадали в столь желанную для них страну. В Великобритании неприятие «английскости» (Englishness) тоже часто воспринималось как признак радикализма, хотя многие левые не могли при этом не заметить, что главными выразителями английских ценностей (и яркими оппонентами 68-го) были еврейские интеллектуалы из Восточной Европы, например Исая Берлин.

Протесты часто были интернациональными. В мае 1968 года студенты захватили здание Британского института в Париже. Британские власти так и не смогли определить, кто преобладает среди активистов – французы, англичане или вообще выходцы из других стран. Директор института потом с досадой отмечал, что ему выставили крупный счет за телефонные звонки в Мексику, сделанные во время захвата⁷⁸. Посольства тоже были мишенями протестующих, хотя иногда они становились и площадками для импровизированных международных контактов. Сержант морской пехоты, который охранял посольство США в Лондоне, побеседовав с двумя активистами британской «Власти черным», позже сообщал полиции: «Я наговорил им всякого бессмысленного дерьма, но старался быть более или менее вежливым»⁷⁹.

По подсчетам ЦРУ, в 1967–1968 годах в США обучались 90 тысяч иностранных студентов; при этом 80 тысяч американских студентов в тот же период учились за рубежом. Иногда даже коротких поездок за границу – о которых вспоминали в самых ярких красках, – было достаточно, чтобы молодой человек почувствовал себя чужим в родной культуре. Гарет Стидман Джонс, позднее ставший активным проponentом студенческой власти, после ухода из Школы Святого Павла провел десять месяцев в Париже:

«Я вернулся в Оксфорд в октябре 1961 года. Курил сигареты Gitanes и носил лучшее из того, что можно было найти в парижских магазинах. Пребывание во Франции укрепило меня, подобно многим моим друзьям той поры, в мысли о том, что Великобритания – старорежимная страна, которой управляют наследственные пэры, все еще цепляющиеся за ветхие атрибуты эдвардианского аристократизма»⁸⁰.

Молодых французов в Великобритании было больше, чем их сверстников-англичан во Франции. В июле 1968 года 100 тысяч французов, в основном подростков, посещали языковые курсы в Великобритании⁸¹. Они редко оказывались носителями радикальных идей – как пола-

⁷⁷ Peter B. Levy, *The New Left and Labor in the 1960s* (Urbana, IL, 1994), p. 90.

⁷⁸ FCO 13/58, memorandum on losses to the British Institute in Paris, Francis Scarfe, 22 June 1968.

⁷⁹ NA MEPO 2/10962, statement by Sergeant Terry Lelly to Metropolitan Police, 22 August 1967.

⁸⁰ Gareth Stedman Jones, 'History and Theory: An English Story', *Historein*, 3 (2001), pp. 103–24.

⁸¹ Laurent Chollet, 'Le LSD, les Hippies et la Californie', Philippe Artières, Michelle Zancarini-Fournel (eds.), 68, *une Histoire*

гают некоторые, буржуазные родители просто были рады увезти детей подальше от лицейских комитетов (comités d'action lycéens), отправив их в какой-нибудь спокойный прибрежный городок Великобритании – но такие путешествия все равно могли спровоцировать самые непредсказуемые размышления. Ги Хокенгхейм, позже основавший Гомосексуальный фронт революционного действия (Front Homosexuel d'Action Révolutionnaire), вспоминал, как в двенадцать лет изучал язык, проживая в рабочей семье в Шорхэм-бай-Си, где «было принято обедать в шесть», а «на завтрак подавалась красная фасоль на хлебном тосте»⁸².

Путешествовала не только молодежь. Герберт Маркузе, немецкий философ еврейского происхождения, который родился в 1898 году и переехал в США во время Второй мировой войны, в 1968 году возглавлял кафедру в Калифорнийском университете. Именно он вдохновил Анджелу Дэвис отправиться на учебу во Франкфурт. В мае 1968 года Маркузе ненадолго оказался в Париже – как раз в то время, когда лидер коммунистов Жорж Марше разоблачал его пагубное влияние на молодежь. В феврале 1969 года Ричард Никсон встречался с британским кабинетом министров, и когда Ричард Кроссман сделал очередную характерную для него апокалипсическую ремарку, президент заметил: «Почему бы нам не поменяться: вы нам Кроссмана, а мы вам Маркузе?»⁸³.

Иногда национальная принадлежность ассоциировалась с политическими взглядами. Когда французских коммунистов называли «итальянцами», этим хотели подчеркнуть либо влияние, оказанное на них работами Антонио Грамши, либо их большую, чем у авторитарного партийного руководства, открытость к реформам. Европейских маоистов именовали «китайцами», хотя далеко не все из них безоговорочно восхищались Китаем времен Мао. Наконец, «американцами» или «калифорнийцами» часто называли тех, кого, в отличие от европейских современников, больше интересовало изменение образа жизни, а не политические теории. Колин Крауч упоминал об этом, рассказывая о своих однокурсниках из Лондонской школы экономики:

«Обращало на себя внимание расхождение между марксистами старой закалки, заинтересованными в дальнейшем развитии моделей прямого действия, и анархистами, либертарианцами, американцами, интересовавшимися созданием нового общества»⁸⁴.

Интересно, что и контрреволюцию зачастую описывали в терминах межнациональных сравнений. Французский политолог Морис Дюверже называл законодательство, запрещающее определенные политические партии, «греческим»: он ассоциировал его с диктатурой греческих «черных полковников». А Гастон Деффер, социалист и мэр Марселя, делился своими опасениями по поводу установления «греческой диктатуры» во Франции⁸⁵.

Кое-кто из европейских левых принимал участие в партизанской войне в Латинской Америке. Мишель Фирк родилась во Франции в 1937 году. Ее, как и многих французских евреев того поколения, преследовали воспоминания о Второй мировой войне. Фирк присоединилась к партизанам в Гватемале и покончила с собой в 1969 году после того, как ее взяли в плен солдаты правительственных войск⁸⁶. Режи Дебрэ схватили в Боливии в 1967 году после встречи с Че Геварой, хотя повоевать вместе им не довелось. Суд над Дебрэ сплотил в причудливом международном альянсе немца Лотара Менне, англичанина Робина Блэкберна, ирландского аристократа Перри Андерсона и Тарика Али – единственного обладателя пакистанского пас-

Collective, 1962–1981 (2008), pp. 80–85.

⁸² Guy Hocquenghem, *L'Amphithéâtre des Morts* (1998), p. 53.

⁸³ Tony Benn, *Office without Power: Diaries, 1968–1972* (1988), p. 151. Запись от 25 февраля 1969.

⁸⁴ Crouch, *The Student Revolt*, p. 57.

⁸⁵ NA PREM 13/2653, Reilly to FO, 22 May 1968.

⁸⁶ Yair Auron, *Les Juifs d'Extrême Gauche en Mai 68: Une Génération Révolutionnaire Marquée par la Shoah* (1998).

порта, которого когда-либо видели боливийские власти. Все эти люди пытались добиться освобождения Дебрэ из-под стражи.

И Режи Дебрэ, и Че Гевара бывали на революционной Кубе, которая в 68-м стала центром притяжения для радикалов. Важным преимуществом этой коммунистической страны было то, что она не ассоциировалась с советской ортодоксией, по крайней мере, на первый взгляд. В 1966 году, принимая конференцию Организации солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки, Куба заявила о стремлении объединить прогрессивные движения планеты. Пример Алжира, однако, показывает, что взаимоотношения между радикалами западных стран и «третьим миром» складывались не просто. События 1968 года во Франции были напрямую связаны с алжирской войной 1954–1962 годов, хотя восставшие студенты, в отличие от рабочих или голлистских министров, вряд ли помнили о ее сражениях. После обретения Алжиром независимости итальянский режиссер Джилло Понтекорво при поддержке алжирского правительства снял фильм «Битва за Алжир», вышедший в прокат в 1966 году. Это был международный проект, в котором участвовали не только алжирские и французские актеры, но и пестрая публика со стороны. Например, одного из легионеров сыграл бродячий английский джазовый музыкант, случайно подвернувшийся съемочной группе. Фильм долгие годы был запрещен во Франции, но это не помешало ему оказать сильное влияние на британских и американских радикалов.

Многие активисты – так называемые «красноногие» (*pieds-rouges*) – поехали в Алжир после того, как он получил независимость в 1962 году. Именно в алжирском молодежном лагере Тьенно Грумбах впервые встретил некоторых из тех маоистов и троцкистов, с которыми он взаимодействовал во Франции в 1968 году. Позже Алжир стал убежищем для беглецов из США – таких, как Эдридж Кливер, активист «Черных пантер», или Тимоти Лири, пропагандист ЛСД, сбежавший из калифорнийской тюрьмы с помощью «Синоптиков». Однако к тому времени многие европейские левые были разочарованы авторитарными чертами нового государства. Переворот, осуществленный Хуари Бумедьеном в 1965 году, заставил многих «красноногих» покинуть Алжир⁸⁷.

Учитывая все вышесказанное, 68-й, по крайней мере в его западноевропейской и североамериканской версии, не обязательно трактовать как часть «транснациональной» или «глобальной» истории. Контакты между разными странами – особенно между демократическими государствами Запада и остальным миром – были, скорее, кажущимися, а не реальными. Более того, в 1968 году они пошли на убыль. «Тропа хиппи», простиравшаяся через всю Азию, вела обкуренных западных подростков по единственному и вполне четкому маршруту: от популярного среди битников стамбульского ресторана *Pudding Shop* до пляжей Гоа. Китайская «культурная революция», казавшаяся некоторым на Западе столь привлекательной, усложнила поездки в страну. Но даже если кому-то и удавалось попасть в Китай, понять, что там происходит, было очень сложно.

В своих поездках по миру левые активисты почти не взаимодействовали с местным населением, не слишком отличаясь от обычных туристов. Тарик Али, который в свободное от революционной деятельности время писал путевые очерки для модного лондонского журнала, любил использовать выражения типа «Прага – город на все времена года». Между тем как раз Прага ярко демонстрировала ограниченность международных обменов в 68-м. Да, Пражская весна совпала с пиком протестных настроений на Западе, а многие западные студенты сочувствовали своим пражским сверстникам. Однако внешнее сходство между происходящим там и здесь следует считать обманчивым. Делая остановку в Праге по пути в Северный Вьетнам, Том Хайден завязал короткий роман с чешской девушкой. Общая атмосфера Чехословакии напомнила ему Беркли, но политическая «начинка» была совсем иной. В частности, Хайден

⁸⁷ Catherine Simon, *Algérie, les Années Pieds-Rouges: Des Rêves de l'Indépendance au Désenchantement (1962–1969)* (2009).

обнаружил, что его возлюбленная, как и многие чешские интеллектуалы, считала, что правящий режим генерирует только ложь. Следовательно, заключала она, американское вторжение в коммунистический Вьетнам может оказаться не таким уж и плохим делом⁸⁸.

Чех Ян Каван был одним из тех студенческих лидеров, кто вместе с Тариком Али, Даниэлем Кон-Бендитом и Карлом-Дитрихом Вольфом участвовал в телевизионной программе ВВС, посвященной волнениям 1968 года. При этом та относительная легкость, с которой он смог обратиться к западной аудитории и покинуть страну после вторжения советских танков, объяснялась исключительно тем, что юноша родился в Лондоне, а его мать была англичанкой. Один из биографов Вацлава Гавела, самого известного чешского «человека 68-го», описывал, как тот 13 мая 1968 года оказался в Париже по пути в Нью-Йорк. У него была назначена встреча с эмигрантом Павелом Тигридом в парижском аэропорту. У Гавела не было французской визы, но в тот день персонал аэропорта и сотрудники таможни присоединились к всеобщей забастовке, так что он без проблем проник в страну:

«Барьеры между Востоком и Западом рухнули... Границы потеряли значение. Паспорта устарели. Слежка была всего лишь пустым словом. Никто не задавал вопросов. Стерлись различия между гражданином страны и иностранцем, своим и чужим. Все были равны»⁸⁹.

История замечательная, но, увы, все было не так. К 13 мая Гавел уже три недели как находился в Нью-Йорке⁹⁰.

Риторика глобальных связей порой прикрывала местническую наивность некоторых решений и поступков. Австралиец Ричард Невилл добирался до своей сестры Джилл, живущей в Лондоне, автостопом. Проехав полпланеты, он тем не менее весьма слабо ориентировался в политике. По его воспоминаниям, на демонстрации 1969 года против вьетнамской войны они с девушкой «были так озадачены обилием левацких групп, что присоединились к колонне австралийских экспатов, шедших под национальным флагом». Невилл, по-прежнему сентиментально относившийся к родине, очень огорчился, когда Жермен Грир схватила и подожгла этот флаг⁹¹.

Действительно, в 68-м национальные особенности нередко напоминали о себе. Некоторые радикалы активно продвигали свою национальную культуру: так было, например, во Франции, где активисты были буквально одержимы французской революционной традицией. Аналогичным образом и американские левые настаивали на преемственности своего движения с местными формами радикализма, воспринимая это как альтернативу интернациональному марксизму. Даже те жесты, которые внешне выглядели как бунт против нации, иногда облекались в отчетливо национальные формы. Французские демонстранты, скандировавшие «Все мы – немецкие евреи» («*Nous sommes tous les juifs allemands*»), имели в виду период оккупации Франции; они враждебно относились к течениям, связанным с коллаборационизмом и с энтузиазмом воспринимали все то, что ассоциировалось с Сопротивлением. Точно так же и у немецких радикалов были специфически немецкие причины отвергать часть своего прошлого.

«Люди 68-го» проявляли повышенный интерес к судьбам сообществ, которые были меньше, чем национальное государство. Регионализм играл важную роль в западной Франции, особенно в Бретани. В Северной Ирландии столкнулись друг с другом католики, стремившиеся порвать с Соединенным Королевством, и протестанты, которые хотели отстоять свой особый статус в стране. Фронт освобождения Квебека (*Front de Libération du Québec*) выступал против господства англоговорящих элит в Канаде, хотя не все члены этой организации

⁸⁸ Hayden, Reunion, p. 207.

⁸⁹ John Keane, Vaclav Havel: A Political Tragedy in Six Acts (1999), p. 184.

⁹⁰ Michael Zantovsky, Havel: A Life (2104), p. 109.

⁹¹ Richard Neville, Hippie Hippy Shake (1995), p. 151.

были франкофонами или вообще канадцами. Фронт морально, а периодически и материально, поддерживал американских и французских радикалов, пока его лидерам не пришлось бежать на Кубу. Интересно, что Фронт расходился с Шарлем де Голлем в понимании антиимпериализма – несмотря на то, что французский президент в 1967 году восславил «свободный Квебек», а 1968 год начал с выражения добрых пожеланий французскому населению Канады. В Бельгии Лувенский университет оказался в центре борьбы студентов, отстаивающих равный статус фламандского языка.

Даже идеи, имевшие на первый взгляд универсальную значимость, могли менять смысл, пересекая границы. «Персонализм» католического философа Эммануэля Мунье, вероятно, в глазах американских молодых людей выглядел более радикально, чем в восприятии их французских сверстников – во Франции католическая церковь традиционно ассоциировалась с правыми силами. Сходным образом и членство в коммунистической партии имело разное значение для европейцев – особенно тех, кто помнил сталинизм, – и американцев. Француз Эдгар Морен, разочаровавшийся в коммунизме, в 1959 году написал работу «Самокритика». Он восхищался чернокожей американской активисткой Анджелой Дэвис, но ее решение вступить в Коммунистическую партию США вызвало у него «знакомое и мучительное ощущение лицемерия»⁹².

Жан-Поля Сартра и Альбера Камю очень по-разному воспринимали на противоположных берегах Атлантики. В 1960-е, после того как структурализм вытеснил экзистенциализм из интеллектуальной моды, многим казалось, что Сартр перестал быть значимой фигурой. Однако философу удалось вернуть себе былую известность во время студенческих бунтов 1968 года. Его призывы к политической ангажированности звучали тогда очень своевременно. Важным преимуществом Сартра было и то, что он физически присутствовал в Латинском квартале. Что же касается Камю, погибшего в автокатастрофе в 1960 году, то его идеи не сыграли особой роли в волнениях 68-го во Франции. Кроме того, репутация Камю среди французских левых уже давно была подорвана его нежеланием осудить действия правительства Франции в ходе алжирской войны и ядовитыми нападка на его философские идеи со стороны Франсиса Жансона, протеже Сартра, в журнале *Les Temps Modernes*.

В США все было наоборот. Сартр почти не привлекал тех, кто не интересовался континентальной философией. Камю же, напротив, нравился англосаксонской молодежи. Он, в отличие от Сартра, был хорош собой, а ранняя смерть гарантировала ему вечную молодость – как Джеймсу Дину и Джону Кеннеди. Тексты Камю были яснее, а их мораль – очевиднее. Джон Герасси, сын одного из друзей Сартра, переехавший в США, в аспирантуре Колумбийского университета начал изучать противостояние Камю и Сартра, но вскоре оставил эту затею. Впоследствии он объяснял Сартру: «Я бы никогда не получил докторскую степень в США, критикуя Камю»⁹³. Молодые американцы были склонны усматривать в экзистенциализме Камю религиозные коннотации. Если в Великобритании повесть «Посторонний» (*L'Étranger*) вышла под названием «Чужак» (*The Outsider*), то в США ей дали название «Пришелец» (*The Stranger*), что намекало на библейские мотивы. В 1968 году в Америке было продано 300 тысяч экземпляров этой книги⁹⁴.

В конце 1960-х в США оживился и интерес к Сартру. В основном это было вызвано тем, что активисты организации «Власть черным» читали его предисловие к работе Франца Фанона «Проклятьем заклейменные». Эта книга, в свою очередь, сама была плодом сложного транснационального обмена. Фанон родился на Мартинике, образование получил во Франции,

⁹² Edgar Morin, *Journal, 1962–1987* (2012), pp. 852–3.

⁹³ Gerassi, *Talking with Sartre*, p. 68.

⁹⁴ Rosie Germain, 'The British and American Reception of French Existentialism, 1939–1972' (PhD, Cambridge University, 2013).

а книгу написал во время обучения алжирских активистов в Тунисе. На его представления о расе отчасти повлияли работы Честера Хаймса – афроамериканца, который жил в Париже и писал крутые детективы о жизни в Нью-Йорке.

Как уже отмечалось во введении, в этой книге рассказывается о западных демократических государствах и о «долгом 68-м», который тянется с начала 1960-х до неопределенной точки в 1970-х. Впрочем, у этой работы нет даже нечетких рамок. Изучая 68-й, нельзя игнорировать события конца 1990-х, когда некоторые бывшие активисты – Йошка Фишер, Билл Клинтон, Джек Стро – взошли на вершины власти. Если говорить о географии, то очень трудно отделить Западную Европу и Америку от остального мира. Даже Китай оказывал влияние на западный 68-й. У маоистов на Западе могло быть довольно абстрактное представление о «культурной революции», но британские чиновники напрямую сталкивались с ее последствиями в Гонконге и прилегающих к нему Новых территориях⁹⁵.

Последнее и, возможно, самое важное – я считаю, что 68-й невозможно изучать в отрыве от того, что называется «общей политической историей» (mainstream political history). Некоторые «люди 68-го» игнорировали конвенциональную политику, зачастую сводя ее к поверхностным абстракциям вроде «фашизма», «империализма», «власти». По словам Колина Крауча, позиция его однокурсников, считавших, что захват британского университета есть законный акт несогласия с американской внешней политикой, объяснялась простым обстоятельством: «Для крайне левых не существовало отдельных "властей", была лишь одна нерасчлененная и монолитная "власть"»⁹⁶.

Но, как бы того ни хотелось противоборствующим сторонам, четкого разделения никогда не существовало. Радикализм конца 1960-х зачастую оказывался результатом реформаторских настроений начала десятилетия. Позднее, в 1970-е, он иногда снова возвращался в более спокойное русло – как в политических, так и в трудовых отношениях. Причем я отнюдь не считаю, что «люди 68-го» кому-то продались или стали жертвами манипуляций со стороны системы. По-моему, долгосрочное значение 68-го обусловлено именно тем, что он теснейшим образом взаимодействовал с «большой» политикой.

⁹⁵ NA FCO 21/215.

⁹⁶ Crouch, *The Student Revolt*, p. 72.

Глава 2 Поколение 68-го

Мы – представители поколения, выросшего в относительном комфорте, ныне обосновавшегося в университетах и с тревогой взирающего на мир, который достанется нам в наследство.

Порт-Гуронская декларация организации «Студенты за демократическое общество», 1962 год

Поколение. Я навсегда поклялся больше не произносить это слово... Не хочу быть частью того сгустка разочарования и кумовства, который начал ощущать собственную самобытность только в массовом предательстве, принесенном зрелостью.

Ги Хокенгхейм, активист 68-го, критикуя своих современников в 1986 году⁹⁷

Это они [матери] виноваты в том, что их дети выросли такими ужасными.

Нэнси Митфорд во время студенческих беспорядков в Париже, 12 мая 1968 года⁹⁸

⁹⁷ Guy Hocquenghem, *Lettre Ouverte à Ceux qui Sont Passés du Col Mao au Rotary* (1986), p. 15.

⁹⁸ Nancy Mitford, *The Spectator*, 30 May 1968.

Члены организации «Студенты за демократическое общество», Индиана, сентябрь 1964 года

Термин «поколение» часто использовали на протяжении «долгого 68-го». Джек Вайнберг, участвуя в студенческой демонстрации в Беркли в 1964 году, скандировал: «Не доверяй никому старше тридцати». Тот факт, что политическое возмущение зачастую вспыхивает именно в те моменты, когда двадцатилетние начинают составлять заметную часть населения, а фоном этого недовольства служит распространение образования и «молодежной культуры», представляется крайне важным. Но все же его подлинное значение гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. На уникальную поколенческую идентичность начинали претендовать уже те, кто родился во время Второй мировой войны или даже до ее начала. Том Хайден, который составил Порт-Гуронскую декларацию (см. главу 4), родился в 1939 году, а Джек Вайнберг – в 1940-м. Кстати, последний из них в 1964 году в Беркли на самом деле критиковал «старых левых», а не старшее поколение как таковое.

В 1960-е нередко бывало так, что «поколенческая пропасть» в политике разделяла близких по возрасту людей. Майкл Харрингтон, американский социалист и общественный обозреватель, участвуя в конференции, на которой была принята Порт-Гуронская декларация, поссорился там с младшими товарищами, в частности, с Хайденом. Позже он извинился за «истеричку среднего возраста», добавив, что в критике в свой адрес усмотрел «эдиповы наскоки на фигуру отца». Между тем в момент этой ссоры Харрингтону было всего тридцать четыре года⁹⁹. По-видимому, для его ровесников, только вступивших в полосу средних лет, столкновение со студенческим радикализмом оказывалось болезненным напоминанием о собственном возрасте. В 1967 году, вскоре после своего звездного появления на лондонской конференции «Диалектика освобождения», британский психиатр Рональд Дэвид Лэйнг сокрушался на страницах своего дневника о приближающемся сорокалетию. По его словам, эта веха будет означать «превращение Икара в Дедала, Эдипа в Лая, enfant terrible в ветхого старца»¹⁰⁰.

Довольно большое число радикалов конца 1960-х вообще не отличалось молодостью. Мария Джолас возглавляла живущих в Париже американцев, не согласных с войной во Вьетнаме. Она перевела на английский документы о парижских протестах 1968-го, которые собрал ее друг Пьер Видал-Наке, родившийся в 1930 году¹⁰¹. Интересно, что сама Джолас появилась на свет в богатой семье из Кентукки в 1893 году. Начиная с 1920-х она в основном проживала во Франции и одно время даже занимала дом в Коломбе-ле-Дёз-Эглиз, который потом стал известной загородной резиденцией де Голля¹⁰². Леди Доротея Хэд, отцом которой был граф Шефтсбери, а мужем – политик-тори, родилась в 1907 году. Во время вьетнамской войны она решительно поддерживала левых и однажды даже специально появилась на заседании Оксфордского союза, чтобы помешать мужу и сыну выступить там против подготавливаемой антиамериканской резолюции. Если кто-то определял себя в качестве «студенческого лидера», это вовсе не означало, что такой человек имеет отношение к университету; кроме того, в рядах подобных деятелей наблюдался значительный возрастной разбой. Помимо Тома Хайдена, «Студентов за демократическое общество» возглавляли Тодд Гитлин, Карл Огльсби и Бернардин Дорн, родившиеся в 1943-м, 1935-м и 1942-м. А те из лидеров этой организации, кто – как, например, Майк Шпигель или Марк Родд, – родился после Второй мировой войны, даже в конце 1960-х составляли явное меньшинство.

⁹⁹ Robert Gorman, Michael Harrington: Speaking American (New York, 1995), pp. xviii, xxi.

¹⁰⁰ Adrian Laing, R. D. Laing: A Biography (1994), p. 140.

¹⁰¹ Alain Schnapp, Pierre Vidal-Naquet, The French Student Uprising, November 1967–June 1968 (New York, 1971).

¹⁰² Mary Ann Caws (ed.), Maria Jolas, Woman of Action: A Memoir and Other Writings (Columbia, SC, 2004). О деятельности Джолас см. также: London National Archives HO 325/104, report by Special Branch, 26 February 1968.

С другой стороны, среди «людей 68-го» имелось много тех, кто был еще слишком молод для университета. Высокая концентрация в Париже элитных лицеев, тесно связанных не только между собой, но и с университетами, оборачивалась тем, что школьники, родившиеся в начале 1950-х – как, например, Николя Баби из Альянса революционных марксистов (*Alliance Marxiste Révolutionnaire*) – тоже втягивались в студенческое восстание, начав с 1967 года формировать комитеты лицеев. В Соединенных Штатах старшеклассники иногда были не менее радикальными, чем сами студенты, особенно после 1968 года. Так, в 1970-м Гаел Грэхэм в знак протеста против вторжения США в Камбоджу разорвала американский флаг, причем сжечь его она не могла только потому, что ей было двенадцать лет, а родители не разрешали пользоваться спичками. Согласно данным американского Конгресса, в 1968 году в 18 % средних школ США происходили беспорядки, а в следующем году этот показатель вырос до 40 %¹⁰³. В Италии в конце 1960-х и начале 1970-х в школах было зафиксировано 270 протестных акций, а в университетах – лишь 143. В школы протестная волна пришла позже, чем в высшие учебные заведения, пик беспорядков в которых пришелся на 1967–1969 годы. Но в более поздний период, как представляется, ряды террористических группировок активнее пополняли люди, вставшие на радикальные позиции уже в школе, а не в университете¹⁰⁴.

В 1968 году некоторые активисты выдвигали теорию, согласно которой молодежь (в первую очередь студенты) должна стать «авангардом», обеспечивающим революционное руководство рабочим классом, не умеющим делать это самостоятельно. Другие же, опираясь на многочисленность и относительную обездоленность студенчества, говорили о том, что студентов и самих можно рассматривать в качестве особого класса. Впрочем, большинство по-прежнему воспринимало молодость с возрастных, а не социально-классовых позиций. Ознакомившись в 1966 году с докладом о «молодежи», Шарль де Голль прокомментировал его так:

«Не стоит относиться к молодежи как к отдельной категории. Сначала вы молоды, а потом взрослеете. Они останутся молодыми до тех пор, пока этому будут благоприятствовать жизненные обстоятельства, но отдельной социальной категорией не станут. Это просто французы, начинающие жить, и ничего особенного в них нет»¹⁰⁵. А Франсуа Миттеран, общаясь в 1968 году с группой студенческих лидеров, выразился еще более лаконично: «Молодость проходит быстро. Старыми вы будете гораздо дольше»¹⁰⁶.

Даже относительно молодые люди, участвовавшие в протестах 1968 года, иногда с недоверием относились к мысли о том, что поколенческие границы главнее идеологических или классовых. Такая позиция была распространена, в частности, во Франции, где студенческие активисты считали себя частью революционной традиции, восходящей к Сопrotивлению или даже к XIX веку. Они полагали, что поколенческие трактовки опoшляют их протест и лишают его политического содержания. Левый социолог Жюльет Манс, родившаяся в 1937 году, писала вскоре после событий 68-го: «Вопреки заверениям некоторых "теоретиков", этот бунт был... серьезным политическим потрясением, а не конфликтом поколений и не рождением нового общественного класса, состоящего сплошь из молодежи и студентов»¹⁰⁷.

Американские черные активисты, окружавшие Анджелу Дэвис, также в основном были очень молодыми людьми. Сама Дэвис родилась в 1944 году. Джонатану Джексону, который пытался освободить своего старшего брата из тюрьмы при помощи пистолета, принадлежав-

¹⁰³ Gael Graham, *Young Activists: American High School Students in the Age of Protest* (DeKalb, IL, 2006), p. 5.

¹⁰⁴ Sidney Tarrow, *Democracy and Disorder: Protest and Politics in Italy, 1965–1975* (Oxford, 1989), pp. 88–89.

¹⁰⁵ Alain Peyrefitte, *C'était de Gaulle* (2002), p. 1289. Приводимая здесь цитата взята из обращения де Голя к членам кабинета министров от 11 мая 1966 года.

¹⁰⁶ Philip Short, *Mitterrand: A Study in Ambiguity* (2013), p. 248.

¹⁰⁷ Juliette Minces, 'Réflexions Autour du "Journal de la Commune Étudiante"', *L'Homme et la Société*, 16, 1 (1970), pp. 149–59.

шего Дэвис, было всего семнадцать, когда в 1970-м его застрелили полицейские. Однако для Дэвис раса и класс были важнее возраста, поскольку она остро ощущала межпоколенческие узы, связывающие ее с пережившим угнетение поколением стариков. В первую очередь это касалось бабушки Анджелы, которая родилась спустя несколько лет после освобождения рабов на американском Юге и умерла, когда активистке было двенадцать лет.

В конце 1960-х трактовки того, кого именно называть «молодежью», постоянно менялись. В 1967 году в Великобритании доклад «комитета Лейти» рекомендовал снизить возраст совершеннолетия, гарантирующий все права взрослого человека, с двадцати одного года до восемнадцати лет, что и было сделано в 1970 году. В том же году в Западной Германии разрешили голосовать с восемнадцати лет вместо двадцати одного года. Аналогичные изменения в тот период состоялись и в других странах: в США в 1971-м, во Франции в 1974-м и в Италии в 1975-м. Социальные сдвиги – такие, как повышение порога окончания школы, – сместили границы между детством и взрослой жизнью.

Долгий 68-й изменил восприятие людьми собственного возраста. Само публичное предъявление даты рождения могло превратиться в политический акт. Когда в ходе судебного разбирательства о подстрекательстве к беспорядкам в Чикаго Эбби Хоффмана, родившегося в 1936 году, спросили, сколько ему лет, он ответил в том духе, который был характерен для американской контркультуры 1968-го. Парень утверждал, что родился в 1960 году: «Духовно я дитя 1960-х». Когда немцу Торвальду Проллу, родившемуся в 1941-м, задали тот же вопрос на процессе о поджоге универмага в 1968 году, он дал ответ, который свидетельствовал о глубочайшей связи европейских «людей 68-го» со старой политической традицией: по его словам, он появился на свет в 1789-м – в год Великой французской революции¹⁰⁸.

Женщины особенно четко осознавали, что биологический возраст уже не играет той роли, какую он играл во времена их родителей. Шейла Роуботам писала о себе в 1968 году:

«Мне было около двадцати пяти, вот-вот предстояло пересечь черту, после которой, как представлялось еще пару лет назад, окончательно становишься взрослой. Но я совсем не чувствовала себя взрослой. Мы прошли все указатели, и ничего не произошло»¹⁰⁹.

Луиза Пассерини, родившаяся в 1941 году, вопрошала, имея в виду в основном Италию: «У скольких людей, которые родились с конца 1930-х по начало 1950-х, был свой 1968-й?» Пассерини делила «людей 68-го» на три группы: учившихся в университете, успевших покинуть студенческую скамью и устроиться на работу, еще сидевших за школьной партой. При этом она добавляла, что биологический возраст влиял на аффилиацию прежде всего тех, кто появился на свет после 1950 года, то есть приобщался к студенческим протестам, еще оставаясь в школе¹¹⁰. У товарищей Пассерини по университету и у их союзников-рабочих были разные представления о возрасте. К двадцати шести годам итальянский трудящийся обычно имел за плечами лет двенадцать оплачиваемого труда и несколько лет состоял в браке. Если это был мужчина, то он, вероятно, уже отслужил в армии, а если женщина, то у нее, скорее всего, уже были дети. Роуботам сама ощутила эту разницу в восприятии возраста, когда в начале 1970-х попыталась организовать протест уборщиц. Ее новые подруги – женщины из самой неблагополучной части рабочего класса – были тридцати- или сорокалетними, но «выглядели гораздо старше»¹¹¹. Даже рабочие, участвовавшие в забастовках 68-го, далеко не все были молодыми.

¹⁰⁸ Timothy S. Brown, *West Germany and the Global Sixties: The Anti-Authoritarian Revolt, 1962–1978* (Cambridge, 2013), p. 80.

¹⁰⁹ Sheila Rowbotham, *Promise of a Dream: Remembering the Sixties* (2001), p. 166.

¹¹⁰ Luisa Passerini, *Autobiography of a Generation: Italy, 1968* (Hanover, NH, 1996), pp. 23, 28.

¹¹¹ Sheila Rowbotham, 'Cleaners' Organizing in Britain from the 1970s: A Personal Account', *Antipode: A Radical Journal of Geography*, 38, 3 (2006), pp. 608–25.

Согласно больничным записям, только троим из двадцати рабочих завода Peugeot в Сошо, обратившихся за медицинской помощью после стычек с полицией, было меньше двадцати пяти лет, а семеро из них родились в 1928 году или раньше¹¹².

Активистская деятельность сама по себе иногда втягивала радикалов в то, что консерваторы называли затянувшейся юностью – в период, отмеченный сбоем традиционных обрядов инициации. Выходец из рабочего класса, который родился в 1940-м, выпадал из традиционного ритма жизни, если не мог пройти медицинскую проверку на пригодность к военной службе в конце 1950-х. В начале 1968 года психолог посоветовал бы ему «повзрослеть», а когда он, возможно, пытался сделать это, студенческие беспорядки опять переворачивали все с ног на голову. В конце концов, он поступал на новый факультет в Университете Париж VIII в Венсене, который был создан *soixante-huitards* как раз для людей без квалификаций. Такой персонаж мог оставаться студентом, даже если ему было далеко за тридцать¹¹³.

Некоторые историки разбивают поколение 68-го на отдельные «когорты». В Швейцарии в 1967 году 70 % радикальных активистов были моложе двадцати пяти лет. Между 1968 и 1970 годами этот показатель упал до 62 %, вероятно, из-за того, что активисты повзрослели. Однако в 1971–1973 годах он снова вырос до 75 %. Скорее всего, это произошло из-за того, что волнения 1968 года радикализовали новые группы молодежи. Однако между 1974-м и 1976-м снова был зафиксирован спад – до 54 %¹¹⁴.

Некоторые участники событий 68-го со временем все охотнее начинали идентифицировать себя в поколенческих терминах. Иногда их восприятие собственной жизни менялось под влиянием того, как их изображали другие. Определенная «аполитичность» того поколения – или, точнее, отсутствие у него очевидных связей с крайне левой политикой – поначалу отталкивала «людей 68-го», но позднее, напротив, стала казаться им чем-то вполне приемлемым. Даже те, кто отошел от политических убеждений молодости, по-прежнему ассоциировали себя с обобщающим образом своего поколения. Например, Даниэль Кон-Бендит с каждым годом делал все больший акцент на том, что он принадлежит к «поколению 68-го». И это объяснимо, поскольку ему нужно было подчеркнуть свою последовательность в тот период, когда, совершив политический кульбит, он вдруг включился в электоральную политику. В Германии, где после 1968 года радикализм распался на множество течений, к понятию поколения обращались ради хотя бы внешнего восстановления единства и взаимоуважения в левой среде. Так, Клаус Хартунг, бывший студенческий активист, начал говорить о «поколении 68-го» в 1978 году, когда пытался объединить часть левых сил¹¹⁵.

¹¹² Nicholas Hatzfeld, 'Les Morts de Flins et Sochaux: De la Grève à la Violence Politique', Philippe Artières, Michelle Zancarini-Fournel (eds.), 68, une Histoire Collective, 1962–1981 (2008), pp. 322–5.

¹¹³ Nicolas Daum, *Mai 68: Des Révolutionnaires dans un Village Parisien, 20 Ans Après* (1988); см. интервью с респондентом по имени Мишель: pp. 89–104.

¹¹⁴ Nuno Pereira, Renate Schär, 'Soixante-Huitards Helvétiques: Étude Prosopographique', *Le Mouvement Social*, 239, 2 (2012), pp. 9–23.

¹¹⁵ Anna von der Goltz, 'Generations of 68ers: Age-Related Constructions of Identity and Germany's "1968"', *Social and Cultural History*, 8, 4 (2011), pp. 473–91.

Беби-бум и старшее поколение

Поколенческие трактовки 68-го тесно связаны с понятием послевоенного беби-бума. После 1945 года, когда мужчины вернулись домой с фронтов, показатели рождаемости резко подскочили как в Северной Америке, так и в большей части Западной Европы. В Германии и Италии, однако, дела обстояли иначе. В этих странах рождаемость росла раньше, в 1930-е, отчасти из-за того, что политика государства была направлена на ее повышение. В Германии нацизм и война сформировали особенно сложную модель поколенческого размежевания ([см. главу 6](#)).

Послевоенный беби-бум целесообразно рассматривать в свете тех событий, которые ему предшествовали. Страны, его пережившие, – а именно Великобритания, Франция и США – в 1930-е испытали заметное снижение рождаемости, вызванное экономической депрессией. Родившийся в 1936 году французский историк Жан-Мари Берсе отмечал, что у беби-бумеров была юность, «совершенно непохожая на юность нашего поколения». По свидетельству Берсе, он и его современники испытывали трепет перед старшими, по крайней мере отчасти вызванный тем, что взрослые в те времена заметно превосходили их числом¹¹⁶. Появившихся на свет в 1930-е постоянно преследовали воспоминания о безработице и лишениях, которые омрачили их детство. Они ценили безопасность и с пониманием относились к рутинной регулярности – в отличие от тех, кто, будучи на несколько лет моложе, считал ее тяжким бременем. В 1950 году социологи, опрашивавшие группу британцев 1932 года рождения, с удивлением обнаружили, что многие из их восемнадцатилетних респондентов уже устроились на постоянную работу и собираются оставаться на своем месте всю жизнь¹¹⁷. Разумеется, это не значит, что рожденные в 1930-е годы враждебно относились к 68-му: напротив, многие из них, в первую очередь молодые преподаватели университетов, сочувствовали протестам. Однако привычные роли здесь явно поменялись. Сорокалетние в 1968 году чаще были ведомыми, чем ведущими: смелость молодого поколения вызывала у них смесь ужаса и восхищения.

Но далеко не все молодые радикалы в 1960-е определяли себя через конфликт со старшим поколением. Наоборот, некоторые считали, что принадлежат к политической традиции, корни которой связывают их с прошлым. Серж Жюли родился в 1942 году, но свой активистский опыт отсчитывал с демонстраций, организованных коммунистами против конституции де Голля в 1958-м. Он посещал лицей Тюрго и считал своих педагогов пропагандистами подрывных идей, а не адептами политической ортодоксии. Сильное влияние, в частности, на него оказал Пьер Хальбвакс, который позже сыграл заметную роль в кампании по защите активистов, арестованных в ходе протестов 1968-го. Хальбваксу, родившемуся в 1916 году, было около сорока, когда Жюли учился у него. Стоит также отметить, что во время оккупации он вместе со своим отцом, историком Морисом Хальбваксом, родившимся в 1877 году, был депортирован коллаборационистскими властями. Причиной послужил их публичный протест против казни вишистами Виктора Баша, приходившегося тестем Морису и дедом Пьеру. И Баш, и Хальбваксы отстаивали радикализм, проистекавший из дрейфусарских кампаний конца XIX века.

Кинорежиссер Ромен Гупиль родился в 1951 году, но даже он не считал протесты 1960-х восстанием против конформизма 1950-х. Наоборот, Гупиль заявлял, что «невозможно понять 1968 год, если не принять во внимание предшествовавшую ему мобилизацию, которая подпитывалась антиколониальными настроениями». Свое собственное политическое пробужде-

¹¹⁶ Agnès Callu, 'La Socialisation des Historiens de l' Intra-Histoire au Profil Scientifique, 69–88', Agnès Callu (ed.), *Le Mai 68 des Historiens: Entre Identités Narratives et Histoire Orale* (2010), pp. 69–88, p. 74.

¹¹⁷ R.F.L. Logan, E. M. Goldberg, 'Rising Eighteen in a London Suburb: A Study of Some Aspects of the Life and Health of Young Men', *British Journal of Sociology*, 4, 4 (1953), pp. 323–45.

ние он относил к четырнадцати или пятнадцати годам. При этом Гупиль добавлял, что считал себя наследником более ранней традиции: «Я мыслил категориями 1870-го» (то есть года Парижской коммуны). Он отделял политический авангард, к которому принадлежал, от поколения беби-бумеров, воспитанного на «карманных деньгах, чартерных рейсах и рок-музыке» и «одержимого стремлением к сексуальному освобождению»¹¹⁸.

После 1968 года порой утверждалось, что беби-бумеры росли в условиях, способствовавших вседозволенности и бунтарству. Социолог Дэвид Рисмен, далекий от консерватизма, называл тем не менее радикалов 1960-х годов «избалованными детьми», добавляя, что «из-за этого они ожидали, что их требования всегда будут выполняться незамедлительно»¹¹⁹. Спиро Агню, в 1969 году ставший вице-президентом США, возлагал ответственность за это на доктора Бенджамина Спока, уроженца 1903 года, чья книга «Ребенок и уход за ним», впервые изданная в 1946-м, якобы способствовала «разболтанности» в воспитании детей. Но та интерпретация Спока, на которую нападали консерваторы, была, скорее, следствием 1968 года, а не его причиной. Да, Спок участвовал в антивоенном движении, а в 1972 году баллотировался на пост президента в качестве радикального кандидата, но в его послевоенных взглядах на воспитание детей радикализм отсутствует. Идеи популярного доктора в основном держались на «здравом смысле», под которым понимались методы и способы воспитания, использовавшиеся матерями еще до Второй мировой войны. Некий английский профессор объяснял студенческие протесты конца 1960-х «заповедью "не смей пороть", сформулированной доктором Споком»¹²⁰

¹¹⁸ См. интервью с Роменом Гупилем: *Esprit*, 242, 5 (1998), pp. 141–7.

¹¹⁹ *The Times*, 29 May 1968.

¹²⁰ L. Neville Brown, 'Student Protest in England', *The American Journal of Comparative Law*, 17, 3 (1969), pp. 395–402.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.